

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

НА ВОЙНЕ,
КАК НА ВОЙНЕ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

На войне как на войне

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

На войне как на войне / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2002 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-105458-8

Ангел – бывший капитан спецназа ГРУ, профессионал высокого класса, стал киллером. Киллером, который знает себе цену. И если он взялся убрать наркоторговца по кличке Таманец, то доведет дело до конца. Даже если на его пути встанет всемогущая Контора. Но, похоже, за ним охотятся не только люди из ФСБ, но и бывшие коллеги из ГРУ. Им-то он зачем? Неужели они все еще надеются, что он будет на них работать? Ладно, он сможет переиграть и тех, и других. Для него главное – выполнить заказ.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105458-8

© Самаров С. В., 2002
© Эксмо, 2002

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	25
Глава IV	37
Глава V	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Самаров

На войне как на войне

© Самаров С.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Глава I

1

За окном пролетел порыв ветра, и ветка клена настырно заскребла по стеклу. Но естественные природные звуки не отвлекают меня от дел. С другими звуками обычно бывает хуже. Я только-только начал осиливать четвертый километр, когда раздался телефонный звонок. При желании можно было бы дотянуться и снять трубку, но правила для того и придумываются, чтобы их соблюдать. Если только нет желания их нарушить. В данный момент я такого желания не испытал и потому спокойно продолжил крутить педали велотренажера. Дорога мне предстоит не слишком далекая, но, подвинтив регулировочный винт, нагрузку я установил сложную – сплошной горный подъем. Почти пиренейский тур, где долговременный высокий темп выдерживает не каждый тренированный спортсмен. Лучше не отвлекаться и не сбивать себе дыхание. И я терпеливо дождался, когда автоответчик моим вежливым голосом предложил кому-то оставить сообщение после гудка.

«Кто-то» на предложение не отреагировал, только сказал слегка хрипло и приглушенно, специально, чтобы я зримо представил, как он отворачивается от телефонной трубки:

– Дома нет...

Голос незнакомый и неприятный. Самоуверенный. Но интеллекта в нем нет. С обладателями подобного голоса я разговаривать не люблю. Они у меня непонятное беспокойство вызывают, и хочется иногда неожиданно ударить в горло. Голос подправить. Чтобы беспокойства не вызывал. Потому что беспокойство, если оно достаточно сильное, для меня чревато болезненными последствиями...

Тут же раздались короткие гудки.

Автоответчик воспринимает гудки как команду и всегда реагирует на них одинаково – тоже отключился. И правильно. Если я сел на тренажер, это значит только одно – меня ни для кого нет дома. И не будет до тех пор, пока я не преодолею ежедневные обязательные десять километров. Потом еще десять минут тоже не будет – я займусь избиением большого тренировочного мешка для кикбоксинга. И пусть батальон омовцев топорщится тупорылыми автоматами, как дикобраз иглами, и ломится ко мне в двери – двери крепкие, и сразу такое препятствие без взрывчатки не одолеть, – я занятия не прекращу, пока не выполню полный объем.

Педали проворачиваются туго. Деревенеет бедро. Свинцом наливается. Вперед! Вперед! Горы покоряются сильным и упрямым. Я всегда был сильным и упрямым. Меня жизнь заставляла быть сильным и упрямым, иначе мне было не выжить. А жизненные уроки надолго в голове остаются.

На исходе восьмого километра телефон опять подал голос. И снова автоответчик внес свое рациональное предложение. На сей раз реакция последовала:

– Ангел... Я знаю, что ты дома. Мне сообщили сразу, как ты приехал. Бросай крутить свою дурацкую колесницу. Срочно нужен...

Время – начало восьмого утра. Труповозу что-то не спится. Но меня этим не прошибешь. Потерпит. Он всегда такой нетерпеливый, когда ему что-то надо.

Но очень терпеливый – я. Специально обученный терпению. В течение многих лет этому обучался.

Труповоз подождал полторы минуты. Я трубку не взял. И первый звонок был скорее всего тоже от него. Самому лень было до аппарата дотянуться. Попросил телохранителя, который приезжает к нему с утра пораньше. Такой голос может быть только у его телохранителя. Но

терпения Труповозу опять не хватило. Сейчас сам за трубку взялся. Показывает этим, что торопит меня. Я, к сожалению, давно научился его понимать заочно. Вынужден был...

– Ладно. Как отдышишься, позвони.

Вот это уже конкретнее и даже приемлемо. Могу обещать, что позвоню даже раньше. Отдышусь я после командировки не скоро. Слишком много выпито за две недели. И придется еще две недели вместе с потом выгонять из организма остатки алкоголя.

И я усерднее надавил на педали, одолевая последние сотни метров. Финишный спурт – как и положено в настоящей гонке. Из последних сил. Стрелка спидометра резко поползла вверх. Счетчик километража завращался быстрее. Еще немного... Дави педали... Ура! Победа!

Все...

Я легко спрыгнул на пол. Малоудобное сиденье тренажера утомляет больше педалей. Теперь пара расслабляющих упражнений. Восстановить дыхание, чтобы лучше работало воображение. Но – не расслабляться до конца, не останавливать завод. Я отлично знаю, что в действительности иногда подолгу не бывает возможности расслабиться.

Следующий напряженный этап. Руки воткнуть в снарядные перчатки, и к мешку. Мешок обязательно нужно представить живым противником. Удары на выдохе. Правый прямой – левый сбоку – короткий правый прямой с шагом назад. Еще шаг назад, пяткой с разворотом в область предполагаемой головы. Обозначение удара правой, а сам удар идет левой снизу. Теперь с разворотом корпуса на двести семьдесят градусов локтем в голову, шаг в сторону и, не оборачиваясь, ногой назад. Здесь главное – прочувствовать местоположение противника и одновременно проконтролировать ситуацию вокруг. Но противники разные. И реакция у них разная. И головы встречаются разной крепости. Однако уровень подготовки всегда чуть-чуть выше, чем у мешка. Как раз по этой причине раунд на ринге длится две минуты, а у меня – десять. И укорачивать его нельзя, потому что мне скоро стукнет сорок пять. При моей профессии до такого возраста не живут. Так Труповоз – гранату бы ему в разинутую слюнявую пасть! – шутит. Но я знаю, сколько в этой шутке правды. И потому на телефонные звонки не реагирую. Я обязан держать себя в форме. И не могу никогда и ни в чем уступать молодым подготовленным ребятам. Именно – ни в чем... А физическая подготовка – это единственное узкое место, где они могут меня побить. Как раз из-за моих сорока пяти. В остальном же я за свои навыки спокоен. Опыт, за которым стоит высококлассная школа многолетней службы в спецназе ГРУ.

Время! Теперь восстановить дыхание. Шире руки...

...Только после прохладного освежающего душа, причесавшись перед зеркалом, но не завершив утреннего туалета полностью, я вышел к телефону, как на официальный правительственный прием – даже наедине с собой походку следует блюсти. И небрежно, как большой начальник, набрал домашний номер Труповоза.

– Привет. Это Ангелов. Ты просил позвонить?

Ни в коем случае ни малейшего намека на то, что я не пожелал сразу с ним разговаривать. К чему заранее портить отношения с таким капризным человеком, к тому же главным работодателем. И без того он знает, как я его ненавижу. Но это я наглядно покажу в соответствующее время. Пока еще рано – если противник предупрежден, то он вооружен. Заповедь спецназа я помню.

А Труповоз мне еще не раз сгодится... До того, как...

– На велосипеде катался?

Он на приветствие не ответил. Спросил зло и пренебрежительно. Сам никогда, похоже, «физикой» своего организма не интересовался. И сейчас за собой не следит. Уверенно спешит к инфаркту. При его образе жизни эта гадость обеспечена. Если только раньше пуля торопыгу не догонит. Я таким, как он, быть не желаю. Вкус у меня иной, и обрюзглость в человеке плохо

переносу. Труповоз мое презрение явно чувствует. Отсюда тоже наша взаимная антипатия. Впрочем, сотрудничеству она не сильно мешает.

– Нет, кросс бегал. По утреннему ветерку...

– Собаки не донимают?

Спрашивает со знанием дела. Словно сам бегать по утрам пытался. Хренушки... Даже если собственными глазами увижу – не поверю!

– Я для них специально газовый перцовый баллончик с собой беру. Знаешь, действует... Только подниму – собаки ноги в руки и... Не догонишь... Должно быть, я не один такой сообразительный.

Он хмыкает, как чихать собрался. Это у него дурацкая манера так хмыкать. Должно быть, представил, как собаки хватают ноги в руки. В воображении ему не откажешь.

– Ну-ну... Тут как раз твоя сообразительность требуется. Приезжай.

– Куда?

– Домой. Я еще минут сорок дома буду. Если не успеешь, жду тебя в офисе. Как?

– Жди в офисе. Не успею. Мне еще надо себя в порядок привести. Я две недели не брился и всего два раза за это время умывался, – вдохновенно соврал я. Чтобы он мою усталость физически почувствовал. Если почувствует, значит, я себе цену поднял. – А ты сам знаешь, если я утром не побреюсь, то к середине дня буду выглядеть чеченским боевиком.

– Постарайся побыстрее. Тебе новая командировка предстоит. Настраивайся...

Насчет командировки я догадался уже по его торопливости. С какой-то стороны, это приятно. Но показывать удовлетворение нельзя. Иначе Труповоз сразу пожелает свои условия диктовать. Жаден он – до безобразия. И его условия мне обычно не нравятся. Поэтому я диктую свои. По собственным правилам люблю играть. Жестко!

Я положил трубку и подошел к зеркалу. Мой папочка болгарин оставил мне не только фамилию – Ангелов, но и душевные страдания из-за каждого взгляда в зеркало. Приходится чуть не по два раза в день уничтожать на лице буйную растительность. Побрился я вчера, едва вернувшись домой из поездки в Чечню – в составе делегации ветеранов путешествовал. В Шали стоит сформированный в нашей области батальон. Из будущей дивизии, обреченной на постоянную дислокацию в тамошних краях. Приехал, смыл с себя ведро командировочной грязи и побрился. В человеческий облик вернулся. И сразу вспомнилось, как косо посматривали на меня на каждом КПП менты и солдаты. Но разве я виноват в национальности папочки? Он своей волосатостью ни одному чеченцу не уступит.

Ехали мы в Шали и обратно на автобусе. Долго. Опасно. Умыться и побриться негде. Добрались. И умудрились ни одну пулю в окно не получить. И даже никто не испытал желания пострелять в такую удобную мишень из гранатомета. Просто удивительно. Шалинский район к смирным не отнесешь.

Посмотрел я на лица местных жителей. Это все знакомо еще по Афгану. Встречают спокойным и почти добродушным взглядом. Чуть не руки показывают – что оружия в них нет. Потому что ты в камуфляже и представляешь *Силу*. Но этот взгляд сразу меняется, стоит отвернуться. Каждую минуту можно ждать выстрела в спину. У чеченцев это, как нам объяснили в войсках, считается в порядке вещей – отважно выпустить в кого-то из темноты автоматную очередь. Такой поступок приравнивается к омовению перед вечерней молитвой. Что поделаешь, у каждого народа свои славные традиции и ритуалы.

Впрочем, эта война не для меня. Я на благо государства свое отвоевал уже давно. Теперь предпочитаю воевать на собственное благо. И совсем не за нищую офицерскую зарплату. И противника сам выбираю. Для меня это важный фактор – чтобы противник не вызывал у меня симпатию. Даже, пожалуй, не так. Даже не симпатию. Потому что, как человек сильный и великодушный, я симпатию могу испытывать и к врагу, если он уважения достоин. Но мой личный

противник – вне этих принципов. А главное – он не должен быть слабым и беззащитным. Беззащитных я никогда не обижаю, даже если они того достойны...

Собираясь я неторопливо. Естественно, первым делом побрился до глянцевого синевы подбородка. Не слишком спешил и с выбором костюма, несколько раз выглядывая в окно и выверяя возможное соотношение ветра, солнца и одежды. Наконец посмотрел на часы. Приличия соблюдены. Самоудовлетворение получено.

Пора...

2

– Михал Михалыч у себя?

– Вы договаривались?

Секретарша бюро ритуальных услуг, которое возглавляет отставной подполковник ФСБ Михал Михалыч Захватов, как и положено в подобном заведении, обладает лицом типичной вампирши. Жгучая брюнетка, она намного превышает допустимые нормы пользования косметикой, стремясь сделать из своей смуглой кожи нечто бледное, соответствующее имиджу. И, естественно, вампирша перестанет быть вампиршей, если не будет иметь кроваво выделяющийся овал хищного рта. И никак не желает принимать меня за сотрудника или постоянного клиента. Хотя и отлично знает в лицо. Не менее десяти раз видела. Первое время даже пыталась строить глазки. Безуспешно – я вампиров боюсь, потому что они кусаются. И вообще в таких заведениях мне в любовь играть не хочется. Поэтому сейчас Наталья Викторовна, как она себя величает, несмотря на двадцатипятилетний возраст, принимает меня более холодно, чем людей посторонних, желающих посетить скорбный кабинет Труповоза. На сотрудника в глазах секретарши я, естественно, не тяну, потому что не получаю в бюро зарплату по бухгалтерской ведомости. А таких постоянных, как я, клиентов в их конторе не бывает. Родственников столько не напасешься, чтобы похоронить. Да и денег на это не хватит. Услуги бюро не назовешь дешевыми.

– Договаривались.

– Минуточку. У него сейчас клиент...

Она сняла трубку внутреннего телефона.

– Михал Михалыч, к вам Ангелов... Хорошо. Поняла.

И посмотрела на меня с профессиональным сознанием собственной значимости. Из нее, похоже, скоро получится достаточно квалифицированный могильщик.

– Сейчас... Клиент выйдет, и вы заходите.

Секретарша мне неинтересна. И не только потому, что это секретарша Труповоза, а возможно, и его любовница. Просто она совсем мне не приглянулась, хотя я и считаю себя, как каждый южный человек, с младых лет неисправимым бабником. Но при этом всегда опираюсь на чувство вкуса. Старательно его в себе воспитывал. И утрированный образ вставшей из могилы женщины меня никогда не сможет прельстить. Есть много других – живых и красивых...

Я выглянул в окно полуподвального помещения. Отсюда видны только ноги шествующих мимо людей. И то лишь ниже колен. Место бюро занимает не самое интересное. Я бы понял еще, если бы в это окно показывали исключительно ноги хорошеньких девушек. Но здесь можно узреть только старушечьи тапочки.

У противоположной стены громко зевает телохранитель Труповоза – крупный мосластый парень со сломанным носом. Нос ему не я сломал. Но за одну только физиономию с удовольствием произвел бы подобную косметическую процедуру повторно. У обезьяны, увидевшей банан, интеллекта в глазах больше, чем у этого типа. Но Труповоз окружил себя именно такими.

Заскрипела дверь. Открылась. Вперед скорбящим задом вышел клиент. Может быть, это и вежливо по отношению к Михал Михалычу, но не совсем прилично по отношению к Наталье Викторовне, поскольку тяжелый и далеко отставленный зад обращен именно в ее сторону. И для чего клиентам так кланяться? Думают, их покойника уложат более мягко? Так покойнику это безразлично. Тогда зачем стараться?

Михал Михалыч вышел к двери сам, чтобы меня поприветствовать. Похвальное желание. Когда ему что-то сильно надо, он становится подхалимом. Если же может без тебя обойтись, то откровенно показывает тебе свое пренебрежение и бывает даже грубым. Такие манеры отставной подполковник приобрел уже после выхода в отставку. И чем дальше, тем эти черты проявляются резче. Может быть, работа и образ жизни действуют. Пообщаешься с покойниками, и не то с тобой станет...

– Заходи.

Я дождался, когда он сделает еще шаг, чтобы не пожимать протянутую руку через порог. И только после этого шагнул в кабинет.

– Ко мне никого не впускать...

Труповоз отдал распоряжение не Наталье Викторовне, а телохранителю. Стоя к хозяину скорбного заведения вполоборота, я видел это. Но не удивился. Так бывает всегда, когда он меня приглашает.

В кабинете мне сразу что-то не понравилось. Будто бы атмосфера насторожила. Даже какая-то дрожь по спине прошла. Я огляделся и подумал, что мне не нравится скорее всего сам хозяин. Вид у Труповоза стандартно черный. Держит стиль заведения. Но даже этот приличный цвет не стройнит его. При одинаковом со мной росте он чуть не вдвое тяжелее, хотя я тоже не выгляжу худосочным. Отъелся директор на деньги жмуров. Его расплывшуюся фигуру исправить можно только долгим сроком в отдаленных лагерях. Это ему, впрочем, и грозит, если сможет дожить. В чем я сомневаюсь. Более того, я сам надеюсь «не пустить» Труповоза в лагерь...

– Есть очень хорошая работа...

Он сел на стул за директорским столом. Бедный вертящийся стул. Недолго ему осталось вертеться. Насколько я знаю, у подобной мебели есть одна слабость. Она предназначена только для худеньких секретарш. Остальных, даже нормальных, как я, держит с трудом. Чуть тяжелее, чем нормальных, держит очень недолго. В прошлом месяце у Труповоза стул был другого цвета. Тот не выдержал.

– Работе я всегда рад. Без работы и конидохнут... – перефразировал я известную поговорку.

И забросил ногу на ногу, показывая собственную независимость. Стойку «смирно» в этом кабинете я принимать не собираюсь и не буду выходить из него с оттопыренным задом – не дождется. Такому человеку только чуть-чуть покажи слабину, он сразу попытается сделать из тебя послушного раба. Я всегда стараюсь в отношениях с Труповозом грань держать. Ни в ту, ни в другую сторону не перешагиваю, если в этом нет насущной необходимости. И всегда помню, что с подобной сволочью следует быть предельно осторожным.

– И хорошо платят...

Он сразу начал торговаться. С этим я согласен. Такой процесс мне более интересен, чем отвлеченные разговоры. Я люблю, когда мне хорошо платят, потому что работу я умею делать очень хорошо, как умеет не каждый специалист. И это отнюдь не жадность, а реальное знание собственной цены. Если я сам не буду себя уважать – кто же тогда будет? Но у меня и у хозяина кабинета разное понимание того, как «хорошо платят». И потому мы часто не сходимся в первоначальной цене.

Однако я не люблю показывать свою заинтересованность. Все-таки болгарские корни происходят с Востока – чистые болгары тюркских кровей. И торговля у меня, можно сказать, в характере.

– Спросил бы сначала, как я съездил... Рассказывать долго я не люблю. Сам знаешь, мое красноречие регламентировано положениями уставов. Но спрашивать полагается просто для приличия.

Труповоз моим нравоучениям не внял.

– Двадцать тысяч баксов... – сказал он, мечтательно закатив глаза, словно языком толстенькую пачку банкнот только что лизнул и смакует, оценивая вкус «зелени».

Интересно, сколько он хочет себе взять, если так торопится? По нашей договоренности, ему полагается десять процентов. Но у меня в последнее время появилось сомнение в честности компаньона.

– Тридцать, – сказал я равнодушно. Мы с ним торгуемся всегда, и часто бывает, что я на своем настаиваю.

Он опять хмыкнул, словно чихнуть собрался.

– Ты бы сначала спросил, что за клиент...

– А ты помнишь случай, когда я отказывался? Естественно, кроме оговоренных заранее вариантов...

Такие варианты есть, и мы с Труповозом заключили устный договор – за какие дела я берусь, какие принципиально игнорирую.

– Все может быть. Ты тоже человек не железный, имеешь симпатии и антипатии.

– Мы с тобой с первых встреч постановили, что ты не втравливаешь меня в большую политику. Политику поменьше я проглотить смогу. Остальное тоже бывает мне, как правило, по зубам. Впрочем, если ты желаешь «заказать» президента, то я потребую «лимон зеленых»...

На притяние шутки Труповоз слабоват. Давно пора бы мне это уяснить и не шутить с ним.

– И сделаешь?

– Вместе с тобой...

– Я в таких делах, сам знаешь, плохой помощник.

Неужели думает, что я возьму его в помощники! Из ума я еще не выжил...

– Я имею в виду, что и тебя после такого «заказа» сразу же «сделаю»...

Михал Михалыч стрельнул вопросительно глазами. Но – поверил. Я бы на его месте поверил тоже. Я сам в это верю, потому что твердо знаю – когда-то все так и будет.

– Итак, к делу...

– Двадцать тысяч.

– Клиент?

Он посмотрел на меня долго и внимательно.

– Таманец... – сказал наконец.

– Тридцать, – даже без секундной паузы, выдержанной для приличия, сказал я и откинулся на спинку стула. И слегка потянулся. Неужели Труповоз думал меня шокировать этим именем?

Только два месяца назад я работал по «заказу» самого Таманца при поддержке его людей в его же родном городе на берегу Волги. Это сейчас дает мне одновременно и некоторое преимущество – я знаю стиль его жизни и возможные варианты защиты, и создает дополнительные трудности – меня и мой профиль деятельности слишком хорошо знают его люди. Удача зависит от того, как я поведу себя и какой план выберу для исполнения «заказа». Короче, в такой ситуации все в моих руках и в руках всевышнего. Но это и для меня лучший вариант. За себя я всегда отвечаю.

– Насчет тридцати мне надо будет посоветоваться. Боюсь, заказчик закапризничает... – темнит Труповоз. Глаза бегают, как у испуганного поросенка.

– Я могу сам уговорить любого. Если тебе это по какой-то причине не совсем удобно...

– Нет, – сказал Михал Михалыч твердо. – Заказчик не желает с тобой встречаться лично. Такое мне не очень нравится.

– А обеспечение?

– С моей стороны.

– Сам поедешь? – поинтересовался я со смешком.

– Зачем? Я пошлю своих людей. Много предстоит расходов. Потому я и хочу договориться насчет двадцати. Так было бы справедливо.

– Это можешь рассказать заказчику. Если он не желает брать обеспечение на себя, пусть тебе платит. Сверх моей суммы.

У Труповоза нечестные глаза. Они у него всегда нечестные, когда разговор касается денег. Но сейчас особенно. Очень похоже, он хочет на мне крупно заработать, но чего-то побаивается. Хорошо, если побаивается меня. Могут быть и другие варианты.

– А если он не согласится?

– Значит, ему это не слишком и надо. Через сутки я добавлю еще десять штук. Звони. Последний срок – завтра в это же время. Смотри не опоздай. – Я посмотрел на часы и встал, показывая, что разговор окончен.

– Я не понимаю, чем Таманец лучше любого другого клиента? Ну, авторитетный парень... Да мало ли ты с авторитетными работал... Почему этот должен стоять дороже?

– Я не работал с неавторитетными. А Таманец... Ты сам подумай...

– Заказчик не согласится.

Я вдруг по его голосу, по выражению лица почувствовал, что заказчик согласен. Заранее согласен. Потому как у меня появилось предположение, что заказчиком является сам Труповоз. Я помню, как два месяца назад мы сидели в этом же кабинете и Михал Михалыч исходил потом под взглядом Таманца. А тот всячески старался показать, что Труповоз чем-то ему обязан. И тогда я еще подумал, что при таких отношениях Захватов через некоторое время обратится ко мне по поводу этого парня. Именно ко мне, потому что из его ребят ни один такого заказа потянуть не сможет.

Не в моих привычках влезать в чужие разборки, если они меня не касаются. Мое дело – выполнить заказ. Но за свою работу я желаю получить сполна. Тем более с родного работодателя.

– Если меня просто случайно увидят парни Таманца, я сразу засвечусь. Слишком хорошо меня там знают. Я рискую, а не заказчик. И потому назначаю цену тоже я. И будь уверен, что я не живоглот. Лишнего не прошу. Просто оцениваю ситуацию здраво. Советую заказчику это понять...

Кажется, из положения я выкачал все, что можно. Конечно, Труповоз не признается, что «заказывает» Таманца именно он. И потянет еще время. Несколько часов. Потом начнет искать меня. Лихорадочно искать, чтобы не потерять еще десять штук. Если у меня будет настроение, я подпорчу ему нервы. Не буду отвечать на звонки до самого последнего срока.

– Все. Это мое слово.

Не спрашивая разрешения, я шагнул к стене за спиной директора, открыл дверцу встроенного шкафа, куда Труповоз спрятал холодильник, достал пластиковую бутылку минералки и тут же открыл.

– Спасибо, – поблагодарил за угощение.

И пошел к двери, делая на ходу большие глотки.

Это была проверка. Захватов не любит, когда у него в кабинете посетители ведут себя по-хамски. Проглотит он это или подавится?

– Я тебе позвоню... – проглотил.

Но в голосе его вдруг проскользнула нотка угрозы. На самом последнем звуке. Может, уже на выдохе после звука. Кусочек ярости, которую он старательно скрывает.

Или это мне просто показалось?

Не перестарался ли я?

3

Уже дома я заново проанализировал разговор с работодателем и пришел к выводу, что действительно показал излишний норов. Следовало поторговаться и сойтись на двадцати пяти тысячах. Не тянет Таманец на тридцать.

Время шло. Я повалялся на диване в ожидании звонка. Потом потренировался. С особым рвением избивал мешок, представляя, что это Труповоз. Когда пошел принимать душ, подумал и взял аппарат в ванную – благо шнур достаточно длинный. Это на случай, если Труповоз, согласно известному «закону бутерброда», позвонит в это время. Он не позвонил.

После обеда я сходил в магазин за продуктами. Автоответчик по возвращении не передал мне новостей. А он существо обязательное. И память имеет прекрасную. Надежнее любой секретарши.

Это стало уже почти скучно.

Я понял, что Труповоз к чему-то готовится. Готовится без меня, но подготовка имеет ко мне прямое отношение. Что само по себе уже скверно.

Не понравилось ему мое поведение. Значит ли это, что и мне следует готовиться к обострению ситуации? Среди людей Труповоза нет ни одного человека, способного меня заметить. Он набрал себе парней с оголтелыми рожами типичных отморозков, которые не стесняются с кого-то деньги страсти любым из способов, вплоть до беспредела. Бабушку, торгующую на углу семечками, за ноги поднимут и вытрясут из нее мелочь. Это самое простое. Есть на них грехи и иные. Немало клиентов бюро ритуальных услуг, опускаая в аккуратно выкопанную могилу гроб, не подозревают, что устраивают своего покойника на «второй этаж» общежития. Первый – нижний – уже кем-то занят. И сверху аккуратно утрамбован, чтобы заметно не было. Это дополнительная услуга его бюро. Насколько я знаю, он обеспечивает такими могилами группировки города. По дешевке. Кажется, баксов по двести за это берет. И сам опробованным методом иногда пользуется. Фирменный стиль команды Труповоза.

Такие команды, не так давно достаточно популярные, сейчас, слава богу, канули в прошлое. В нынешние времена их четко ставят на место люди более солидные, которые, впрочем, начинали работать несколько лет назад точно так же. Перестроились позже. И топят тех, кто не перестроился. Им сейчас стабильность нужна. И в депутаты хочется всем без исключения. Труповоз еще держится на плаву. Благодаря умению ударить исподтишка. Но в серьезные люди выбраться не может, хотя и мечтает, – в серьезные люди, оперирующие большим капиталом. Сразу он не ту политику выбрал. Не думал, что так быстро наступит время, когда процесс накопления перейдет в процесс вложения. А вложения необходимы, чтобы иметь собственный вес и голос. И некому было ему посоветовать. Держит около себя дуrolомов. Из всего окружения Михал Михалыча я почти приятно выделяю, хотя и не вхожу, слава богу, в ближний круг. Мы только сотрудничаем, пусть и довольно плотно. Но не слишком часто. И в этом сотрудничестве конкуренции у меня практически нет. Но нужен ли я ему настолько, что он готов раскошелиться на достаточно крупную сумму? Что на весах во второй чаше? Какая гиря ставится туда?

Этот вопрос я вынужден буду держать открытым до полного выяснения. А само выяснение может быть и опасным. Уж кто-кто, а я-то отлично знаю, что Труповоза медом не корми, только дай кому-то исподтишка гадость сделать. Какую гадость он может сделать мне? Выпишет ордер в очередную могилу на «первом этаже» кладбищенского общежития? Но это надо

суметь. А я сам на «отдых» не стремлюсь. И нет у него исполнителей столь высокого класса, чтобы могли со мной конкурировать.

Вот подставить – это он может...

Так чего мне ждать?

Стоп-стоп-стоп... Почему же ждать прямо сейчас? Ему ничего не стоит подставить меня при «заказе» на Таманца. Он, конечно, не просто подставит. Не однозначно сдаст. Школа ВЧК-КГБ-ФСК-ФСБ учит многому, и школа эта готовит качественных провокаторов. Изошренные подлости Труповозу в кровь ввелись. И он наверняка что-то хитроумное придумает. Чтобы и «заказ» был выполнен, и я «съеден», и он сам остался бы в стороне и на коне. Значит, следует ждать, что на тридцать тысяч он все же согласится. Хотя все отдавать, естественно, не собирается. Не тот он человек, чтобы все отдать...

Глава II

1

От трапа самолета до здания аэровокзала пассажиров обычно везут автобусом. Но старое правило – там, где начинается авиация, кончается порядок – работает безукоризненно, невзирая на времена и нравы, и уж тем более на смену политических ориентаций правителей. Сейчас автобус где-то задержался, и пассажиры столпились вокруг трапа, поеживаясь на прохладном утреннем ветерке. Небо над ними чистое, безоблачное, обещает жаркий день, и в предвестии этого дня мерзнуть не хочется, а большое открытое пространство аэропорта продувается ветром насквозь.

Пассажиры едва слышно переговариваются. Их немного. При нынешних ценах на авиабилеты летают только по необходимости. Кроме того, большинство предпочитает дневные рейсы. Ночной сильно утомляет – подремлешь в кресле два с половиной часа, и потом целый день чувствуешь себя разбитым.

– Где же наш автобус? – спросил кто-то торопящийся. Все всматривались в здание аэровокзала, рядом с которым автобусов стоит несколько.

Откуда-то сбоку выехала белая «Волга» с длинной антенной на крыше. Двое из пассажиров оставили основную группу и направились навстречу машине. Им только что звонили по сотовому телефону. Должно быть, о встрече предупредили. Остальные наблюдали, как они подняли руку, давая понять, что машина должна прийти именно за ними.

– Начальство какое-то, – проворчала полная женщина. – Этим и раньше, и теперь персональный транспорт к трапу. А мы тут...

– Раньше-то так не наглели, – возразил мужчина лет пятидесяти. – Я, помню, когда-то даже с третьим секретарем обкома вместе в самолете летел. Так его машина на выходе ждала. Это нынешним все можно... – В голосе человека – громадное уважение к третьему секретарю. Он и внукам, наверное, рассказывает с дрожью в голосе, как однажды летел одним рейсом с таким вот человеком. При этом будет умалчивать, что секретарь был не партийный, а комсомольский. И тем не менее...

Наконец в сторону самолета двинулся и автобус. Толпа зашевелилась. Стали поднимать с бетонки вещи, хотя видели, что ждать придется еще несколько минут.

... Дорога из аэропорта недолгая и не слишком оживленная. Но когда «Волга» через сорок минут после посадки самолета въехала в город, улицы уже проснулись. Горожане спешили на работу.

– Люблю я утренние часы, товарищ генерал... – сказал более молодой из двух пассажиров, которых машина встретила прямо на летном поле. – Особенно когда всю ночь работал и утром возвращаешься домой. Неторопливо так идешь. И смотришь на прохожих. Люди еще толком не проснулись, но трудиться спешат, а ты оттрудился... Есть в этом что-то...

Генерал, сухощавый, собранный, промолчал. Весь его внешний вид свидетельствовал, что он умеет слушать и все слышит, но говорит только тогда, когда в этом есть необходимость. Когда что-то значимое сказать надо.

– Мы вас на служебной квартире устроим, если не возражаете... Это будет удобнее, чем в гостинице, – сказал человек на переднем сиденье. – Там сразу все и обговорим...

И он красноречиво глянул в сторону водителя, давая понять, что при водителе разговаривать не следует.

Машина выехала на главную улицу и по третьему ряду на большой скорости двинулась к центру – попали в «зеленый коридор». Миновали городскую площадь, где неизменный памятник вождю прошедших лет поднятой рукой указывает в направлении большого гастронома. Свернули направо, через пять минут проехали мост через реку и сразу за цирком, которые во всех городах похожи и определяются сразу, обогнув строительную площадку, свернули к старому и обшарпанному девятиэтажному дому.

– Вот этот подъезд.

Человек с переднего сиденья шустро выскочил первым и распахнул заднюю дверцу, помогая генералу выйти. Было в его движениях что-то суетливое, лакейское. Даже телохранители так не показывают свое тяжеловесное усердие. И генерал недовольно поморщился. Он бы больше уважал этого капитана, если бы тот вообще забыл дверцу распахнуть.

Генералу нет еще пятидесяти, и выглядит он бодро, почти по спортивному, хотя род деятельности, должно быть, и не позволяет поддерживать постоянно спортивную форму – на это всегда трудно выкроить время. Его спутник недавно получил майорскую звездочку, что тоже для тридцатилетнего неплохо. Этот как раз время для спорта, похоже, находит. Он не просто крепок, как «качок», но и гибок, эластичен. Передвигается коварной кошачьей походкой.

Весь багаж прилетевших составляют два «дипломата» и ноутбук в руках у майора. Капитан протянул руку, показывая желание помочь нести компьютер, но майор отрицательно покачал головой.

– Сам справлюсь. Куда нам? – В отличие от генерала майор не хмурится. Он спокойно-добродушен и искусственные начальственные позы в соответствии с возрастом еще не любит. Не успел научиться.

– Третий этаж...

Капитан своим ключом открыл подъездную дверь – нынче стало модно ставить замки на подъездах – и двинулся к лифту.

– Что, пешком не дойдем? – спросил генерал. – Сколько здесь километров от этажа до этажа?

– Можно и пешком... – почему-то смутился капитан и первым, шагая через ступеньку, зашел вверх. Он почувствовал недовольство московского гостя и не понял его причин. Вроде бы все он делает, как приказано. Встретил. Даже сумел договориться, помахав удостоверением перед службой внутренней охраны аэропорта, чтобы пропустили на летное поле машину, мотивировав необходимость этого тем, что в самолете привезли важные документы. Часто ли так встречают даже генералов? А этот почему-то недоволен. Ну да на всех разве угодишь...

– Здравствуйте...

В квартире их встретила пожилая женщина. Она, видно, собралась уже уходить, потому что стояла в коридоре и ждала, когда дверь откроется.

– Я вас в окно увидела. Проходите. Мешать я вам не буду. Уборку сделала. Завтрак приготовила. На телефонной полочке книжка, там на первой странице мой номер. Если что понадобится, не стесняйтесь, звоните, я с удовольствием помогу. Могу обед приготовить, чтобы всухомятку не питаться.

– Спасибо, Людмила Ивановна... – торопливо поблагодарил ее капитан. Он уже догадался, что генерал и этой ситуацией будет недоволен. Здесь у московского гостя есть полные к тому основания. В самом деле, женщина должна была уйти до их прихода – так положено по инструкции, и так капитан объяснил ей накануне. Квартира конспиративная. И гостей никто видеть не должен. Но что взять с пожилой женщины? Соображает только тогда, когда ей что-то надо.

Дверь за Людмилой Ивановной закрылась.

Генерал посмотрел на капитана долгим взглядом, показывая свое отношение к происшедшему, но опять ничего не сказал и прошел в квартиру первым, аккуратно поставил «дипломат» рядом с креслом и только тогда осмотрелся. Обычная квартира с не слишком старой мебелью и в меру пожелтевшими потолками. Вид из окна на самый обыкновенный плохо благоустроенный двор. Да еще соседство стройки добавляет беспорядок. Похоже, что из-за забора, который возвели строители, многим приходится делать крюк, проходить как раз через их двор. Хотя это хорошо. Меньше местные жители будут обращать внимание на новых жильцов, если придется вдруг здесь задержаться. А время пребывания в городе зависит не от них самих.

Генерал прошел к креслу и сел, зачем-то постучав ладонями по подлокотникам, словно проверяя мебель на прочность, вытянул ноги.

– Докладывайте.

И не предложил капитану даже сесть. Спутник генерала сам выбрал себе место на диване. Этот чувствовал себя при генерале более свободно. Оно и понятно – каждый день общаются и пообтерлись.

– Во время отсутствия основного объекта нами были установлены подслушивающие устройства в его квартире. Вынужденно сделали так, чтобы без телефона обошлось. У него аппарат определяет прослушивание. Есть в этом большие неудобства. Неизвестно, что будет говорить звонивший. Но иначе – никак... Объект – человек осторожный и опытный, судя по его послужному списку. Мы и не знали, что у нас в городе живут люди с таким прошлым, пока вы не прислали на него документы. Рисковать мы не стали.

Майор почесал затылок и выдал фразу, которую ни генерал, ни тем более капитан не поняли до конца:

– Если определитель прослушивания реагирует на изменение токовой нагрузки на линии, то его можно обойти. Существуют мини-чипы, которые стабилизируют ток на конечном проводе, точно самоподстраиваясь под момент прерывания. Я такую технику на брюссельской выставке видел...

– У нас, к сожалению, в области Брюсселя нет, – пробурчал капитан слегка недовольно. – Есть только Париж и Варна, Фершампенуаз и Берлин. Населенные пункты так называются. В прошлом веке казаки с войн возвращались и так свои хутора называли. Но техникой такой мы не обладаем даже в этих населенных пунктах. Про областной центр я уже и не говорю...

– Санкцию получали? – продолжая прерванный майором разговор, спросил генерал почти презрительно. Он всегда был плохого мнения о сотрудниках своего ведомства на местах – в провинции, и потому хорошего от них не ждал.

– Зачем же, как было приказано... Все негласно.

– А здесь хоть «прослушки» нет? – спросил генерал, оглядывая комнату.

– Ну что вы, товарищ генерал... Это же служебная квартира. Здесь все стены нашпигованы электроникой. Генератор на генераторе стоит – глушат. Даже при открытом окне с дистанционным лазерным звукоснимателем прослушать невозможно. Окно, кстати, открыть? – спросил он, шагнул в сторону и уже взялся было рукой за штору.

Капитан сам почувствовал, каким он оказался плохим актером под пристальным начальственным оком – заволновался и предложил открыть окно только для того, чтобы отвлечь внимание от своего лица. Боялся, что выдаст себя неуверенным выражением – в квартире прослушивающая и записывающая аппаратура стоит, и все действия московских гостей должны строго контролироваться и документироваться. Такую установку дали из отдела внутренних расследований головного управления. И предупредили о предельной осторожности. Генерал со спутником не должны ничего знать.

– Не надо, – сказал генерал коротко, но категорично. – Еще не жарко. Продолжайте докладывать.

– Ангелов вернулся...

– Объект!.. – поправка прозвучала резко.

– Объект вернулся только вчера во второй половине дня. Пока отдыхает. Ни в какие контакты не вступал. Никуда не ходил и у себя никого не принимал. Единственно, пытался дозвониться какой-то женщине – одной из многочисленных своих подруг, – но не застал ее дома...

– Они должны были приехать позавчера.

– На сутки задержались в Уфе. В Чечне и уфимцы дислоцируются. И наши везли попутно подарки от башкирского совета ветеранов. Их так попросили. На обратном пути пришлось остановиться, рассказывали, как там парням служится. В Уфе им стол накрыли, так что – не смогли вовремя выехать...

– Понятно. Объект, кстати, не сильно удивился, что его пригласили в Чечню съездить?

– А чему тут удивляться? Он уволен из армии с правом ношения формы. Имеет четыре боевых ордена и кучу медалей. Если уж с ними ветеран Второй мировой ездил – старик за семьдесят, то как же ему отказаться... Нет... Все чисто прошло. Предложили из облвоенкомата, он сразу согласился.

– Понял. Второй объект?

– У второго объекта работает на нас секретарша. Она уже третий год потихоньку «постукивает». С ее помощью был установлен «жучок» в телефонный аппарат Захватова...

– Объекта... – теперь уже более жестко поправил генерал несообразительного офицера.

– Объекта, – торопливо согласился капитан. Очень торопливо. Он умышленно показывал свое трепетное отношение перед сотрудниками центрального аппарата. Пусть считают его таким. Глуповатым, хотя и желающим услужить. А он будет про себя посмеиваться. Очень они сейчас боятся, что кто-то сможет подслушать, кто-то сможет записать их разговор и выяснить предмет интереса москвичей. А капитану дано задание провоцировать приезжих, раскрывать так, чтобы дискеты с записью разговоров могли стать неопровержимым документом. Что он с удовольствием и делает.

– Вот и все... Ждем дальнейших событий. Второй объект обязательно позвонит первому. Насколько я понимаю, вы все для этого сделали? – И наивная улыбочка провинциального клоуна в погонах. Без такой улыбочки никак нельзя...

Капитан может задать такой вопрос – должны понимать приезжие – только от непробудной глупости, природной болтливости и желания угодить. Генерал не нашел нужным ответить, но майор, уже раскрывший на столе свой ноутбук и разматывающий провод, чтобы присоединить модем к телефону, человек добродушный. Он не может сердиться, когда к нему обращаются с открытым сердцем.

– Мы-то все сделали... И никуда они, голубчики, от нас не денутся... Как, товарищ генерал?

Генерал опять промолчал. И даже не обратил внимания на то, что капитану и знать не положено, что и как они делали...

2

Уже спускаясь по лестнице в стрельбище динамовского тира, я по звуку понял, что там нечто необычное происходит. Стреляли явно не из табельного и тем более не из спортивного оружия.

Директор тира отставной майор внутренней службы Миша Саночкин встретил меня у самой лестницы.

– А, это ты... Ладно, заходи уж, коли пришел.

Я так понял, что он желал посторонних развернуть уставной командой «кругом» и добавить не менее понятную команду «наверх шагом ма-арш». Но у меня с Саночкиным хорошие

отношения с детства. Мы в одном дворе выросли, хотя и в другом городе. Случайно здесь встретились. Естественно, друг друга не узнали, только потом разговорились – фамилии и у того, и у другого не слишком часто встречающиеся. И весьма удивились, обнаружив, что когда-то – до тринадцатилетнего возраста – были друзьями. В тринадцать лет я с родителями в другой город переехал. Мы вообще много ездили. Отца часто переводили из одной воинской части в другую.

– Фээсбэшники ствол пробуют... – прокомментировал Миша свое поведение. А взгляд майора показал его отношение к способностям фээсбэшников в стрельбе. – Просили посторонних придержать.

Тир этот работает не только для динамовских спортсменов, ментов и фээсбэшников, но и на коммерческой основе. Те, кто имеет разрешение на оружие, приходят сюда пострелять. Патроны им выдает Саночкин. Естественно, без кассового аппарата. Но поскольку даже налоговая полиция тренируется здесь же, то налоговую инспекцию сюда не пускают и на такие пустяки, как отсутствие фискальных кассовых устройств, внимания старательно не обращают.

Сейчас на огневом рубеже встали трое.

Миша подвел меня, подталкивая в спину рукояткой малокалиберного спортивного пистолета Марголина. Если уж арестовал, то подталкивал бы стволом, а если нет, то и пистолет мог бы в другую руку переложить. В отношении оружия я не люблю неаккуратность.

– Знакомьтесь. Мой друг детства, отставной капитан спецназа ГРУ Ангелов.

– Ангелов? – переспросил один и протянул мне руку. – Где-то я уже слышал эту фамилию... Майор Угрюмов, – представился он.

Протянули руки и остальные.

– Капитан Стрекалов.

– Капитан Югов.

У меня по коже пробежал холодок такой же, какой я ощутил при посещении кабинета Труповоза. Но опасаться нечего. Никто не знал, что я в тир соберусь. Я сам только недавно решил это.

– Попросите спецназовца, он покажет вам класс стрельбы, – сказал Миша. – Нет, серьезно... Он здорово шмаляет. Даже из вашей машинки.

Я уже увидел в руках майора Угрюмова «глок-17». Большая семнадцатизарядная дура с пластмассовым корпусом. Если ладонью не можешь трехлитровую банку с пивом обхватить так же, как обычный человек обхватывает пальцами бутылку, за «глок» лучше не берись – двухрядный магазин делает рукоятку неудобно толстой. У меня пара таких лежит в тайнике. Приобрел по случаю, но пользоваться этой штукой в работе еще не пробовал. Говорят, сейчас это модное оружие, но я за модой не гонюсь. Традиционный «ПМ» я стараюсь вообще в руки не брать. Из него можно только ворон пугать – попасть в цель проблематично. По мне, гораздо удобнее и надежнее старый и проверенный «ТТ», хотя я бы предпочел в любой обстановке пистолет Стечкина – «АПС». У «АПС» тоже обойма широкая, но рукоятка удобно ложится в ладонь. И хотя сам он размерами и «ТТ», и «глок» превосходит, но при стрельбе создает ощущение продолжения твоей руки, даже когда стрелять приходится очередями в автоматическом режиме.

– Доводилось таким оружием пользоваться? – спросил капитан Югов и посмотрел на меня так ехидно, что мне его взгляд просто физически понравиться не мог.

– «Глок», что ли? Нет... Только по литературе знаком. Почитываю спецжурнальчики. Куда без этого с моим военным прошлым...

Я принял из рук майора Угрюмова пистолет. Капитан Стрекалов закончил набивать патронами обойму и протянул мне.

– Большая дура, а легкая, – притворно удивился я, прикидывая в руке вес.

Посмотрел на третьего офицера, не сводившего с меня взгляда с ехидцей. И вспомнил. Как перекадровка в видеомэгнитофоне – промелькнули перед глазами картинки. Капитана Югова я видел вчера вечером, когда мы приехали из Чечни. Меня высадили из автобуса, не заезжая во двор. И рядом с моим домом стояла «жучка». Один человек сидел справа от водительского места, второй стоял рядом с открытой дверцей. Увидев меня, тут же сел в машину. Демонстративно отвернулся. Он был, как и сейчас, в гражданской одежде.

В такие совпадения верится с трудом, хотя совпадения в жизни случаются всякие. Уж, казалось бы, на столько лет развело нас с Мишей Саночкиным, а встретились. Но даже самые невозможные совпадения мне не всегда нравятся. Однако это не та ситуация, из-за которой я могу разволноваться, зная, что волноваться мне не следует. Любая реальная опасность вызывает у меня только повышенное хладнокровие. И я лишь усмехнулся. Без волнения.

Миша как раз вернулся, установив три новые мишени. И посматривал на фээсбэшников тоже с легким смешком. Но не в унисон смешку моему. У Миши свои основания. Он принес их отстрелянные поясные листы. Я глянул туда мельком. Паршивенько для двадцатипятиметровой дистанции. Я с такими стрелками на серьезную операцию не пошел бы. У меня солдаты в роте – когда я ротой командовал – стреляли лучше этих фээсбэшных офицеров. Потому что я их лучше учил.

Огневой рубеж в трех шагах. Я эти три шага сделал неторопливо. Пару секунд рассматривал мишени, просчитывая угол для стандартного спецназовского фокуса, который на дураков действует безотказно. После этого повернулся к контрразведчикам.

– Вообще-то «глок» в современной армии считается больше устрашающим оружием, чем боевым. Для долговременного боя он плохо пригоден. Даже рукояткой по голове никого не стукнешь – пластмасса расколется, – сказал, не поворачиваясь к огневому рубежу, отвел за спину руку и выстрелил шесть раз подряд.

Миша прильнул к окуляру смотровой трубы, подкручивая колесико, чтобы перейти с мишени на мишень.

– Пятьдесят шесть очков, – сказал он.

– Пистолет незнакомый. Может быть, плохо пристрелян, – пожаловался я и так же, не поворачиваясь, выдал следующую серию из шести выстрелов.

– Еще пятьдесят пять... – восхищенно констатировал Саночкин. – У тебя одного результат лучше, чем у них троих, вместе взятых.

– Вы стреляете, как профессиональный киллер, – сказал капитан Югов. – Так же, не глядя, Солоник в Москве ментов клал. Только тот еще и на бегу, и под огнем преследователей...

– Я стреляю, как профессиональный спецназовец. Можно было бы и на бегу, и даже сразу из двух пистолетов. Но здесь бежать некуда, – посетовал я, понимая, что Югов дурак. Он сразу себя выдал, желая меня «подколоть». С уличными хулиганчиками можно так разговаривать, а не с профессионалом, прошедшим подготовку у лучших специалистов страны. Еще той страны, когда она была мощной супердержавой.

Югов себя «сдал».

Значит...

Значит, меня «ведут» фээсбэшники!

– Кстати, Солоник стрелял хоть и на бегу, но останавливаясь и оборачиваясь, – добавил я, – из-за дерева. У него не хватало квалификации для слепой стрельбы. Миша, свет! – дал я команду.

Саночкин был готов и дернул ручку рубильника.

В темноте я повернулся и выпустил в мишени оставшиеся пять пуль. После этого директор тира снова включил рубильник и прильнул к окуляру смотровой трубы.

– Сорок семь, – сообщил он.

– А что касается огня преследователей, то, если желаете пострелять в меня – я согласен. Но буду отвечать, естественно, тем же... Думаю, у меня это получится лучше, чем у Солоника. Он тренировался на мишенях и не имел боевой практики. Потому и не хватило хладнокровия. У меня же такая практика есть, и очень богатая... В девяти странах мира, исключая Россию, поскольку тогда, когда воевал я, в нашей родной стране не воевали.

И я посмотрел Югову прямо в глаза. Откровенно, словно на диалог вызывая и едва-едва, с легкой кошачьей нежностью угрожая. Он, кажется, тоже понял. Но не поняли другие. Или они актеры хорошие, или просто не в курсе текущих дел Югова. Скорее всего второе, потому что на актерстве непрофессионалы обычно прокалываются быстро. У меня очень острое ощущение опасности, и я понял бы их не хуже, чем Югова.

– Для стрельбы на бегу нынче погодка не та... Жарковато. Может, лучше пивка попьем... – добродушно засмеявшись, выложил майор Угрюмов качественную замену моему предложению. У него глаза демонстративно открыты излишне широко. Так майор восхищение показывает.

– Я за рулем и потому пью только французский коньяк, – отказался я, показывая, что знаю зарплату офицеров ФСБ. – От него запах не тот, а в жаркую погоду вообще может за туалетную воду «прокатить». У гибэдэдэшников нюх плохой, потому что сами пьют много и что подешевле...

Капитан Стрекалов по-прежнему стоял с растопыренными глазами и открытым ртом. Он не мог отойти после впечатления от стрельбы. Я, честно говоря, тоже рот от удивления раскрыл бы, но давно привык к тому, что стреляю не совсем плохо. Тренироваться приходилось на живых мишенях и в условиях, когда от твоей стрельбы зависела твоя жизнь.

Майор Угрюмов достал из объемной спортивной сумки бутылку пива и протянул Стрекалову. В сумке загремела большая бутылочная батарея. Очевидно, соблюдался привычный ритуал, связанный с посещением тира. Сразу появилось на свет табельное оружие¹. Досталась пара бутылок и Саночкину, но я попросил его до начала трапезы сменить мишени. Миша вздохнул и пошел выполнять мою просьбу, не выпуская из рук бутылки. По дороге делал длинные глотки. И бутылку оставил на огневом рубеже. Так что вернулся уже с пустыми руками.

Он опять поставил три мишени.

– Сколько тебе патронов? – спросил.

– На три обоймы.

Миша отсчитал двадцать четыре патрона.

– Калибр 5,45, – сказал оказавшийся опять рядом Югов, рассматривая патроны. – «ПСМ»?

– Наградной, – кивнул я и достал из поясной кобуры пистолет.

Югов пристроился рядом и поднял «глок». Я не заметил, когда он успел перезарядить его. Или это уже другой пистолет? Капитан явно целился в бутылку. Это, по его мнению, должно было произвести хоть маленький, но эффект. И, на удивление, не промазал.

– Вот так... – сказал он, уважая себя, и сделал большой глоток из бутылки, которую держал в левой руке, словно точку поставил.

– В стоячую бутылку и заяц попадет, – усмехнулся Саночкин. – А вот ты попробуй в летящую да еще вдогонку... Сможешь вот так?

Он выхватил из руки капитана недопитую бутылку и, коротко посмотрев на меня, проверяя готовность, бросил ее плавно, чтобы поменьше кувыркалась. Потолки в тире высотой никогда не отличаются, и подобная мишень, запущенная почти параллельно полу, долго лететь не может. Я вскинул руку и выстрелил. Бутылка качнулась и упала на пол целая.

¹ Пистолет Макарова с отведенным в заднее положение и «запертым» кожухом представляет собой идеальную «открывалку» для пивных бутылок.

– Промазал! – радостно воскликнул Югов.

– Не-а, – не согласился Саночкин. – По касательной задел. Видел, как она качнулась?

– Промазал... – Югов пошел смотреть.

И вернулся с отвисшей челюстью. У бутылки пробито дно. Пуля вошла через горлышко и пробила дно, не разбив саму бутылку.

– Такого не бывает! – сказал Угрюмов. – Сможешь повторить?

– Я сюда пришел не цирк устраивать, а потренироваться, – ответил я. – А вообще вам давно пора бы знать, что такое спецназ ГРУ...

И, повернувшись лицом к огневому рубежу, я поднял пистолет. Конечно, сам я понимал, что произошла случайность. Я даже и не видел это горлышко. Но в летящую таким образом бутылку я попадаю семь раз из десяти. Разбиваю или задеваю по касательной. Во втором случае бутылка остается, как правило, целой, только с небольшой выбоиной сбоку. Иногда я успеваю добить ее второй пулей. На сей раз счастье просто улыбнулось мне, чтобы утереть фээсбэшникам нос. Между нашими ведомствами всегда существовала ревнивая неприязнь, а показать свое превосходство бывает приятно.

Я спокойно, оборачиваясь только за патронами, отстрелял свои три обоймы. Офицеров, наблюдавших за мной, словно и не видел.

– Одна «шестерка», одна «восьмерка», две «девятки», остальные в «яблочко», – сказал Миша, отрываясь от трубы. – Стареешь... Раньше у тебя «шестерок» не было.

– Нормально. Давно не тренировался и много в последние дни пил, – сказал я, перезаряжая обойму уже для себя. Пистолет я обычно держу заряженным. – Спиртное здорово зрение сажает. Хоть и не навсегда, но тоже неприятно.

Говоря честно, это был и для меня весьма хороший показатель, если не считать «шестерку». Но Миша поддержал мой имидж своей оценкой. Я оказался не против. Имидж нужен всем.

– А все-таки, пробитое дно – случайность, – сказал упрямый Угрюмов. Такого, мне кажется, убить легче, чем переубедить. А он, дождавшись, когда я закончу заряжать пистолет, бросил бутылку, даже не спросив моего согласия.

Стрелять я не собирался, но реакция от обиды сработала. Рука поднялась сама. Бутылка осталась не разбитой. Но я-то видел, что попал в нее.

Угрюмов вернулся и показал. Опять дно пробито. Теперь уже, кажется, челюсть готова была отвиснуть у меня. Но я успел придержать ее рукой, почесав, расплатился с Мишей за патроны и пошел к выходу. И опять по коже пробежал неприятный холодок.

Не умею я так стрелять!

Но я так стреляю!

Фээсбэшники провожали меня молча. Их немигающие взгляды я чувствовал спиной, вдруг покрывшейся потом в подвальном холодке тира. Но в этих взглядах страха было больше, чем восхищения. Да мне и самому стало слегка страшно. Хотя я и чувствовал, что стану теперь предметом разговора многих спецов. Иногда это бывает приятно. Мужское тщеславие...

Но часто мешает. Человеку моей профессии...

На улице, открывая свой серебристый «Крайслер», я осмотрелся в поисках красной «жучки», которую видел вчера рядом со своим домом. Багажник машины выглядывал из-за угла здания.

Значит, я не ошибся.

3

Генерал Легкоступов мог целый час простоять у окна, ни с кем не разговаривая. Просто стоять. Однажды майор Мороз заметил даже, что генерал стоит с закрытыми глазами. Как кот, жмурится на солнце и, похоже, спит стоя, заложив руки за спину.

Конечно, генерал не спал. Так только со стороны казалось. Но эта его привычка подолгу стоять у окна, и участвуя в разговоре, и не участвуя в нем, просто о чем-то думая с закрытыми глазами, – многим казалась странной.

Что касается закрытых глаз, то это майор Мороз понимал хорошо. Привычка офицера-оперативника – смотришь на свет, обязательно нужно жмуриться. Иначе потом, когда повернешься к чему-то или кому-то, находящемуся в менее освещенном месте, ничего не увидишь. И это может в критический момент подвести.

Майор терпеливо ждал, что скажет генерал. Они только что прослушали записи двух телефонных разговоров первого объекта со вторым и запись их разговора в кабинете второго. Все пока шло точно по плану. Если бы кто знал, какого труда стоило Легкоступову, пренебрегая обычными и законными методами своей Конторы, потому что никак не удавалось добиться результата обычным путем, прижать серьезного мафиозного бизнесмена Таманца из большого приволжского города... Прижать так, чтобы тому срочно понадобились крупные наличные деньги и он начал вытрясать их из всех солидных и даже мелких своих должников. И одновременно пришлось придумать легенду, чтобы почти официально не менее серьезно прижать откровенного похоронного бандита, хоть и бывшего подполковника ФСБ, в крупном уральском городе.

– Как ты думаешь, Дмитрий Федорович, почему второй объект не желает просто обратиться к первому и попросить его об услуге? – спросил генерал, не оборачиваясь от окна. – Они же вместе работают, кажется, уже второй год... От второго объекта зависит работа первого. Должны бы и наладиться у них добрые отношения. Что помешало ему? Не доверяет?

– Я думаю, у них отношения чисто партнерские. Не выходящие на дружественный уровень.

– Но в любом случае первому выгодно, чтобы второй нормально работал и давал ему «заказы». Случись что со вторым, первый останется без «заказов».

– Скорее всего первый сумел себя поставить так, что он каждый «заказ» принимает, будто одолжение делает. Мне так показалось по тону разговора. Он себе цену знает и уверен, что без работы не останется. Мы ведь, Геннадий Рудольфович, не в курсе всех его дел. Вполне может быть, что он работает от разных посредников. И сотрудничество со вторым объектом – только незначительный эпизод его биографии.

– Да, это тоже стоит допустить... Но у второго объекта нет другого такого же надежного человека, как первый. И он не сможет найти его достаточно быстро. Вернее, найти бесплатно... Нет, абсолютно точно – что-то между ними не так... Где-то кошка пробежала...

– Но первый, скажу я вам, принаглел... Устраивает свои дела за счет беды другого... Цену заламывает... – Майор даже слегка засмеялся. Он легкий человек по натуре, и даже в серьезном разговоре своей легкости не теряет.

– Ты считаешь, первый понял, что заказчиком является именно второй?

– Я в этом не сомневаюсь. Такие нотки в голосе читаются легко...

Зазвонил телефон.

– Слушаю вас, – не представившись, спокойно сказал майор в трубку. – Да... Да... Объект... Понял. Так... Так... Хорошо... Доложу.

Он положил трубку и вздохнул.

– Судьба, товарищ генерал, я не пойму – за нас или против нас? Но она определенно толкает объект к нам в руки. Звонил капитан Югов. Они с группой офицеров ходили на учебные стрельбы в тир. Там же случайно оказался первый объект. Он знакомый директора тира и часто ходит туда тренироваться. Объект показывал нашим офицерам класс стрельбы вслепую. Потом стрелял из пистолета в брошенную бутылку так, что пуля проходила в горлышко и пробивала дно.

– Что за ерунда... – покривился генерал, наконец-то отвернувшись от окна. – Таких стрелков не бывает...

– Югов тоже, говорит, сначала так думал. Пока своими глазами не увидел. После первого выстрела решили, что это случайность. Но объект повторил. Однако главное не в этом. Главное, что объект сам идет туда, где находится под нашим контролем. Вот я и говорю – судьба... Югова теперь от операции придется отстранить?

Легкоступов думал больше минуты.

– Не надо, – сказал тихо, – пусть лучше попытается наладить с объектом контакт. Если познакомились, пусть постарается стать его близким другом...

Оператору, сидящему в соседнем подъезде на прослушивании, очень хотелось потребовать, чтобы генерал с майором разговаривали громче – раньше он работал оператором на радио и давал такую команду говорившим. Но сейчас в системе, к сожалению, не было микрофона...

Глава III

1

Окна в полуподвальном помещении вообще никогда, похоже, не открывались. Решетки на окнах устанавливались давным-давно, может быть, когда дом только построили, и какой-то дурак бездумно воткнул мощные металлические прутья между двойными рамами. Если внутреннюю раму еще можно было распахнуть, то внешняя открывалась на полтора сантиметра и упиралась в прутья. Из-за этого в помещении в жаркую погоду дышалось так, словно на лицо тебе сыпанули совковую лопату горячего асфальта.

Кабинет Захватова вообще отличается буйным тропическим характером – за стеной бойлерная, где проходят трубы горячего водоснабжения дома. И приходится только удивляться, почему по стенам не растут цветущие лианы. Сам Михал Михалыч даже зимой сидит из-за этого с мокрой спиной. Но зимой такое положение приятно, потому что в других кабинетах бюро ритуальных услуг, особенно в бухгалтерии, сотрудникам приходится работать, накинув на плечи пальто. Но вот лето становится для директора временем невыносимым. И к середине дня, когда дышать уже трудно, а кондиционер не помогает, Михал Михалыч начинает нервничать.

Летом он берет с собой на работу два носовых платка. Вот и сейчас один из них уже можно отжимать – пропитался вытираемым с шеи потом. Но шея у директора такая, что в лучшем случае хватило бы только банного полотенца. А еще приходится лысину вытирать и лицо. Неприятно, когда пот с носа капает. Но бороться с погодой бессильны и сам Захватов, и его вампиристая секретарша Наталья Викторовна.

Потому Захватов и не пытается. И без погоды есть отчего понервничать.

– Ты, Мастибек, с ним и поедешь... – продолжая начатый разговор, сказал Захватов. Почти зло сказал, потому что Мастибек ехать явно не желает.

– У тебя что, своих парней не хватает?

Мастибек – высокий и сухощавый, словно из виноградных лоз сплетенный парень, покачивает ногой, заброшенной на ногу. Тоже злобно покачивает, не нравится ему такая опасная игра в кошки-мышки с профессиональным гробовщиком. Только гробовщиком он про себя называет не директора бюро ритуальных услуг, а человека, который умело в гроб других отправляет. Понимает он, что такая игра слишком опасна. Это с другими, даже с достаточно крутыми парнями, но доморощенными самоучками, потягаться можно. А здесь многоопытный профи...

– У меня парней хватает, – Захватов на хитрость пошел, – но, во-первых, нет таких, как ты... Мои парни против Ангела не потянут. А во-вторых, ты слишком плотно завяз во всей этой истории, чтобы в стороне оставаться. Мои парни тоже там будут, не беспокойся. С тобой вместе их отправлю. Якобы Ангелу в помощь. Но у них связей там серьезных нет. Так, кто-то кого-то на зоне боком знал. А ты своих друзей потрясти можешь.

– А откуда у меня-то там связи? Я там не был ни разу.

– В каждом большом городе базар есть. На базаре всегда земляков найдешь. Они помогут и сведут, с кем следует...

В этом Михал Михалыч прав, и Мастибек не может не согласиться. Но он молчит, не торопится с окончательным решением. Другое бы дело здесь, на месте разобраться, когда Ангел атаки не ожидает. В этом случае можно попробовать сработать четко и быстро. Но тогда отпадает смысл во всем мероприятии. А там уже, на месте, сразу после операции – киллер

будет предельно насторожен и стократно опасен. Гораздо опаснее, чем дома. Уж Мастибек-то отлично знает, что такое настороженный спецназовец. Пусть не с этим грушником, а с другими спецназовцами сталкиваться приходилось. У себя в республике, когда шли бои власти с оппозицией. Потому и пришлось перебираться с теплого юга на Урал. Дома Мастибек в розыске.

– Иначе... – Захватов решил последний и самый веский козырь пустить в ход. – Ты уж извини старика... Иначе я буду вынужден на тебя стрелки перевести. Мы с тобой в доле работаем. Пусть Таманец хотя бы половину с тебя спрашивает.

И сердито замолчал, засопел, вытирая пот с шеи.

Мастибек резко встал. Этого он от Захватова не ожидал. Но не нашел что возразить и потому тут же сел снова, понимая, что Труповоз припер его к стенке. Придется ехать и вязываться в это дело.

– Сколько человек мне дашь?

– Двоих Ангелу отдаю. В помощники. Один из них – самый лучший, что у меня есть. Я на него надеюсь. И двоих тебе дам. Тоже в помощники. А там уже сам ищи, сколько тебе понадобится. Своих замляков поднимай. Вы же всегда друг друга выручаете.

2

Я наглядно показал господам офицерам, как следует стрелять. Не знаю, понял ли капитан Югов намек. Судя по физиономии, он хитрый, как все остроносые и быстроглазые, а вот насчет ума – следует еще разобраться. И поверит ли он, что я не отличаюсь стеснительностью – в преследователя стреляю даже с большим удовольствием, чем в преследуемого. Не мучает потом комплекс вины – я только защищался. Впрочем, этот комплекс давно перестал меня мучить, потому что я знаю, в кого стреляю. И в каждого стрелять не буду. Когда-то, во времена своей армейской службы, за меня выбор делало командование, а за командование – политики. Тогда я отвечал за Родину. Сейчас я сам за себя отвечаю. Но и за Родину – тоже.

Без политиков.

Со своей точки зрения.

По своим понятиям.

У меня есть собственный критерий выбора.

И при этом я не собираюсь дать себя в обиду никому. Ни уголовникам, ни ментам, ни фээсбэшникам. Но откровенно бросаться на них тоже не собираюсь. Не психопат.

На перекресток я заскочил на последней фазе зеленого света и захватив желтый. И чуть не столкнулся с торопливым «БМВ». Вывернул только за счет реакции и благодаря навыкам вождения в «экстремалке» – это тоже входило в курс нашего обучения. Мое слегка нервное состояние понятно. Даже если человек не чувствует за собой никакой вины, ему все равно не по себе становится, когда он замечает пристальное недоброжелательное приглядывание к собственной персоне. Особенно со стороны такой серьезной конторы, как ФСБ. А уж в моем-то положении это приглядывание совсем протухшей килькой отдает – ни один бродячий облезлый кот полакомиться таким блюдом не пожелает.

Знать бы только, что им надо...

Где-то я «наследил»?..

В себе я уверен и одновременно – сомневаюсь.

Читаю иногда детективы и очень веселюсь, когда суперагенты и супербоевики все предусматривают, вплоть до лживого прогноза погоды. Только дурак может быть уверен, что все сделал чисто. Или имеет право быть уверенным – если один работал. То есть вообще – один. Даже без заказчика. Чего в существующей природе киллеров не бывает. Киллер не убивает ради собственного удовольствия и тренировки нервной системы. Он трудится в холодном поте

лица своего, чтобы кому-то или лучше жилось, или просто спокойнее. И сам за это платит своим беспокойством.

Первое, что мне необходимо выяснить, – каким образом я смог заинтересовать ФСБ, по какой причине и что мне следует ждать от них? Естественно, имей они какие-то улики или серьезные подозрения, меня бы уже повязали. За «заказуху» и фээсбэшников, и ментов сильно по голове лупят. Постоянно ходят с шишками. Не тянут они на раскрытие таких вещей, не досрости. Особенно если работают против профессионала. И потому те и другие стремглав бросаются ловить и кусать всякого, на кого падает малейшее подозрение. На меня такое подозрение упасть может достаточно легко. Потому что я – специалист, прочно прописанный в картолке ФСБ по своей предыдущей многолетней службе в армии.

Если опять возвратиться мысленно к популярным романам, то постоянно встречаешь на занимательных страницах рассказы о том, как киллеры или ликвидаторы работают в гордом одиночестве. Но не бывает такого в природе. Это шалопай какой-то, желающий стрелнуть удовольствия ради, возможно, и будет так работать. Тот самый знаменитый Карлос, который никому не доверял – террорист наших дней, числящийся под первым номером, – всегда имел мощную профессиональную группу обеспечения, оснащенную самыми современными приборами. Но в одном романисты правы – прокальвается большинство как раз на своей «поддержке». Кто-то сам провалится, а потом и сдаст...

Если бы меня сдали, уже подкатили бы ребята в кевларовых бронежилетах, уже заломили бы мне руки за спину и оттащили бы побитого инвалида в камеру, где, чтобы поломать волю, утром и вечером делали бы уколы анабазина в пять точек. Это для будущих допросов, чтобы подследственного в полупридура превратить. Такие методы достаточно популярны и, как правило, оказываются эффективными.

Но меня еще не взяли. А зная мою квалификацию, зная, что я могу просто исчезнуть из их поля зрения, они должны были бы это сделать, будь у них хоть что-то на меня, хоть самый мизер.

Значит, ничего пока, к счастью, на меня не имеют...

Эти размышления в том случае справедливы, если «хвост» за мной с прошлых дел тянется. Много таких дел, и много может потянуться «хвостов».

А что-то еще – может быть?

Может, если поразмыслить... Навскидку просматриваются сразу два вероятных варианта.

Первый – они разрабатывают Труповоза, и я нечаянно попал в сферу их повышенного интереса. Есть много причин, по которым его обязаны трясти. За Труповозом «хвостов» тянется гораздо больше, чем за мной. Он не слишком чистоплотный.

Второй вариант – сами желают меня на какое-то мероприятие посвятить. Такие случаи бывали, слышал я, что другие наши пенсионеры получали предложения. Но то, насколько я помню, отставники. А я – инвалид третьей группы, хотя и с правом трудоустройства.

Однако моя инвалидность еще и хорошая «крыша». Фээсбэшники это понимают. И им может понадобиться специалист моего класса. У них самих сейчас с этими людьми бедновато. Когда-то ПГУ² имело классный состав ликвидаторов. И все КГБ могло этим составом пользоваться при надобности. После разделения ликвидаторы остались за Внешней разведкой, которая уже не выделяет их для нужд ФСБ. Вот они и ищут кого-то со стороны. Возможен такой вариант? Возможен. Любой вариант возможен, даже самый фантастический. Но мне кажется, что тогда местных спецов к этому делу не подпустили бы. Разработку вели бы москвичи. Если только я не понадобился исключительно местным.

² ПГУ – так называемое Первое Главное управление КГБ СССР, впоследствии выделенное в отдельное учреждение – Внешнюю разведку.

Но пока о подобных планах я не могу даже догадываться. А если не могу догадываться, то не стоит и голову ломать – само когда надо всплывет.

А вот вариант с плотной разработкой Труповоза и его бюро вполне реален, и стоит над ним поломать голову. Здесь я могу вместе с жирным ублюдком влипнуть в неприятную историю.

Это совсем некстати...

При сложившихся обстоятельствах мне бы следовало залечь на дно и «не подавать пеленга». Но Труповоз уже высказал желание задействовать меня в работе и даже назвал имя объекта. В этом случае, если киллер идет на попятную, он считается обреченным. И просто потому, что его постараются убрать – нет в наше время дураков, которым требуются лишние свидетели, и потому, что в дальнейшем, если убрать себя он не позволит, он не найдет заказчиков – какой идиот решится с таким ненадежным работать? Потому в нашей профессии и не бывает отказников.

Но не следует и такой вариант отбрасывать – ФСБ разрабатывает меня точно так же, как в свое время разработал сам Труповоз. Он когда-то, я подозреваю, сам подставил меня, чтобы использовать. Подставил, имея еще во время службы какие-то документы на руках. Он знал, что я собой представляю. Тогда я еще не был киллером, я просто преподавал рукопашный бой в школе охранников и в дополнение получал свою нищенскую пенсию.

Я не подозревал никакого подвоха, когда в один прекрасный день ко мне обратилась едва знакомая подруга бывшей жены. Обратилась потому, что ей было больше не к кому обратиться за помощью. На ментов она надежду давно потеряла. Муж этой женщины много задолжал. И прятался от достаточно крутых кредиторов неизвестно где. Но долг мужа пытались вытрясти с нее. Заставляли отдать квартиру. Женщине пришлось прятаться вместе с двумя дочерьми по знакомым. Неделю у одних, неделю у других. Потом мужа убили. И хоронить его было некому, кроме вдовы. А она боялась выйти на свет. Думала, что теперь ее обязательно схватят вместе с дочерьми и заставят отдать квартиру. Женщина не знала, что делать. Увидела меня по телевизору. Вспомнила, что тогда еще, когда я женат был, она была у нас несколько раз в гостях. Сумела разыскать. Напомнила о себе. Попросила совета.

Я был в отпуске и изнывал от безделья. Взялся за организацию похорон скорее из-за этого, а не потому, что я хороший парень, готовый всякому прийти на помощь. И в первый же день столкнулся с Захватовым, обратившись в его бюро.

– Слышал я про этого парня... – сказал похоронный директор, рассматривая свидетельство о смерти. – Покуролесил он... Смотрите, как бы неприятностей у вас каких не возникло... Осторожнее будьте.

Это я уже потом, задним умом анализируя ситуацию, понял, что Захватов с первой же встречи дал мне настрой. Жестко меня запрограммировал, чтобы я поглядывал по сторонам. Естественно, я не мог пропустить мимо ушей подобную информацию. И сразу обнаружил постороннюю суету вокруг. Не все, видимо, считают похороны святым делом.

Я подключил ребят из школы охранников. Только на несколько часов, чтобы выяснили, куда стекаются концы. Они «провели» показанных мною людей. И тогда я определил место сбора. Частная автомастерская среди кооперативных гаражей. Парни туда приходят, но не уходят. Похоже, к чему-то готовятся. Поговорив с вдовой и дав ей указания, я оставил охранников на квартире, а сам, предварительно просчитав ситуацию, отправился в автомастерскую.

И застал в сборе компанию из восьми человек, шестеро готовы уже сесть в машины и выехать на «дело». Двое, посolidнее, их отправляли. Пришлось попросить ребят задержаться.

– Тебя Захват послал? – сразу спросили у меня.

– Кто такой Захват? – Я тогда еще не знал фамилию Труповоза.

– Что ты мне лепишь... – вдруг заорал один из парней. – Я сам тебя вчера у него в офисе видел.

И он слишком резко для вежливой беседы попытался схватить меня огромной лапицей за горло.

Руку я сломал без проблем. Но под вопль пострадавшего в вечернем сумраке появилось оружие. И не только пистолеты, а даже тупорылый «калаш». Признаться, я не ожидал такого обострения, иначе подготовился бы на обе руки. Со мной же был только наградной пистолет «ПСМ».

Позже я сам удивлялся, как умудрился выкрутиться. Но знаю за собой такую особенность – в критической ситуации быстрота действий переходит, кажется, за предел возможного. Я перемещался и стрелял, и снова перемещался, и снова стрелял.

В итоге я оставил два трупа. Раненых не добивал. Лишь предупредил, что, если побеспокоят вдову, я вернусь...

На следующий день были похороны. Все прошло спокойно. Охранники посматривали по сторонам. Ничего подозрительного не заметили. А уже после поминок, едва я домой вернулся, ко мне пришел Захватов. Тогда и познакомились. И принес мне видеозапись вечерних событий. Оператор поработал на славу. Не хуже, чем я. А себе я просто удивлялся. Со стороны всегда виднее, как все выглядит. Красиво все было. Особенно интересно смотрелось, как я подбирал свои гильзы.

– Ствол можно идентифицировать и по пулям, – сказал тогда Труповоз. – Если знать, где этот ствол искать.

– А где тебя будут искать? – поинтересовался я.

– Обижаешь... – сказал отставной подполковник спокойно. – Я аккуратный. Подстраховался...

С тех пор мы иногда и сотрудничаем. И ждем, когда порвется связывающая нас ниточка. Оба ждем, только с разным чувством.

...Я поколесил по городу, проверяя, насколько прочно меня оседлали?

Нет. Слежки не обнаружил.

Неужели отпустили? Или моя излишняя профессиональная подозрительность опять дает о себе знать? Может, никакой слежки и быть не должно? Но мне всегда с трудом верится в совпадения. Дважды за достаточно короткий срок встретить одного и того же сотрудника ФСБ – это не к добру. Лучше уж пусть баба с пустыми ведрами навстречу десять раз попадет. Значит, «ведут» еще недостаточно плотно или имеют другие средства слежения? Может быть, в машину радиомаяк поставили? Может быть, телефон на «прослушке», может быть, квартиру мою «жучками» нашпиговали?..

Может быть все...

И это я проверить обязан.

Я хорошо знаю, что ощущение легкого морозца, пробежавшего по коже, не появляется у меня случайно. Это воспитано годами работы в экстремальных условиях. Это выше физического понимания сути вещей. Такое ощущение призвано меня насторожить. Я слегка напряг память и попытался вспомнить, когда еще оно появлялось в ближайшие дни.

Появлялось. В кабинете Труповоза... И дома, когда я вернулся... И утром во время первого телефонного звонка, когда за меня автоответчик ответил, а я продолжал педали крутить. И... И в тире, когда Югова увидел. Связаны ли между собой все эти ощущения? Являются ли они сигналом тренированного подсознания, которое лучше самого человека знает, что ему следует делать и чего необходимо опасаться?

Проверить... Срочно проверить...

И потому, даже дожидаясь звонка от Труповоза, я обязан потерять некоторое время на обеспечение необходимых мер безопасности. Без этого не проживешь.

И я, приняв решение, на ближайшем перекрестке развернулся. Решил заглянуть в школу охранников и телохранителей, где раньше преподавал и где всегда себя прекрасно чувствую.

Плохой директор и хороший человек Слава Трудогоров оказался в своем маленьком кабинетике. На столе перед ним лежало много денег, и Слава занимался сложным процессом пересчитывания.

– Привет, – сказал я. – Столько денег сразу можно увидеть только в фильмах про мафию. Поэтому против желания появляется мысль – или ты сам стал мафиозным, или ты какому-то мафиози помогаешь, или ты какого-то «креза» от мафии спасаешь. Кроме того, при виде такой суммы я думаю, что тебе следует их пропить, а то быстро истратишь...

И сел на шаткий стул, показав ангельское терпение.

Слава поднял на меня глаза.

Хотя он и работал когда-то, как и Труповоз, в КГБ, только в «девятке»³, но в отличие от бывшего подполковника шутки понимать умеет. Улыбнулся и молча кивнул на мое приветствие. Молча, как я понял, потому, что боялся сбиться со счета. И продолжал неслышно шевелить губами, перебирая пальцами бумажки. Я тут же проявил чудовищную изобретательность и пододвинул директору с другого края стола газету и ручку.

– Запиши здесь, чтобы не сбиться, – предложил я, ткнув пальцем в чистые поля газеты.

Он тут же записал и беззвучно шевелить губами перестал. Доказал человечеству в моем лице, что голос он все-таки имеет.

– Привет, Ангел. Давно приехал?

– Вчера.

– И как там?

– Хреново, как и везде. Но подробности только во время застольной беседы, чтобы не тошнило от воспоминаний о человеческой гадости. А такая беседа предвидится не скоро, потому что у меня уже пот после этой поездки имеет устойчивый спиртовой запах. Отдохнуть хочется от излишеств.

– Мне тоже не до того. Нам тут клиент попался перспективный. Ему нужно создать команду охранников для офиса и полностью оборудовать систему охраны и сигнализации. Платит черным налом. И хорошо платит. Можно на эти деньги новый класс оборудовать. Хочу сразу заняться, пока в самом деле не пришлось все истратить. Помнишь сам, наверное, как у нас бывает... Там надо, тут надо – по мелочам любая сумма разлетится, и ничего путного сделать не успеешь. У тебя дело или просто проведать забежал?

– Дело.

– Валяй выкладывай...

– У тебя сканер под рукой есть?

Пожав плечами – не от незнания того, что у него есть, а чего нет, а от незнания ситуации, – Слава повернулся к стоящему в углу пенальному оружейному сейфу, повернул ключ и достал сканер.

– Проверь меня... – попросил я со значимым взглядом. Слава умеет взгляды читать профессионально.

Он опять пожал плечами и выбрался из-за стола.

– С превеликим удовольствием...

Полную проверку не проводил – в штаны не лазил, но прозвонил обычные места, где пристраивают «жучки» – под воротником, под мышками, в рукавах, в поясе брюк. Через минуту положил сканер на стол.

– Чист, как стеклышко... Можешь даже жениться. А за тобой что, «хвост» тянется?

³ «Девятка» – девятое управление КГБ, занималось охраной высокопоставленных партийных и государственных чиновников.

- Подозреваю. Машину мою проверить можешь?
- Бога ради. Самому это сделать или разрешишь курсанта для практики послать?
- Можешь послать.

Слава со смешком застучал длинным пальцем по кнопкам телефонного аппарата и дал поручение. При этом назвал номер моей машины. Вот что такое профессиональная память охранника. Он мою машину в глаза-то видел всего два раза. И только около года назад, когда я купил ее и не преминул похвастаться, прокатил своего бывшего шефа по городу.

- Что-то серьезное подозреваешь?

К серьезным вещам Слава относится серьезно, хотя глазами не перестает посмеиваться. У него самого были крупные неприятности во времена самого большого разгула демократии в Москве – в начале девяностых. Когда разгоняли КГБ. Почти по-футбольному пинали под зад сотрудников «девятки» – прислужников коммунистического режима. Слава оказался на пенсии, которую платить и не собирались, в майорском звании. Срочно нужно было искать работу. Он нашел. По своему профилю. Там же, в Москве. И выполнил ее, когда подошло время, слишком хорошо. Не только сумел защитить свой объект, но и «повязал» двух нападавших. Нападавших выпустили через пару дней. И Слава вынужден был срочно продать квартиру в столице и прятаться с семьей в глубокой провинции. Чтобы не достали – угроза по тем временам была вполне реальной. Тогда достать могли любого.

Сейчас время иное, обстоятельства изменились. Слава мог бы и вернуться, но уже не тянет по финансовым возможностям на покупку московской квартиры – инфляция сделала его таким же нищим, как почти все население страны. Так вот он и остался провинциалом с легким московским акцентом.

Вернулся посланный на проверку курсант.

- Чисто.
- Хорошо. Спасибо, – Слава посмотрел на меня вопросительно.
- Я кивнул удовлетворенно.
- С машиной – отлично. А квартира?
- И достал связку ключей.

Слава продиктовал курсанту адрес. Помнит еще, хотя я давно в его школе не работаю. Курсант вышел.

– А «хвост» за мной повесить сможешь? Учебный. На пару дней... Только с условием, что я должен знать номера машин ведения. А то ненароком решу вдруг отрываться в жестком режиме...

- Практика в нашем деле, сам понимаешь, первое дело... Можно и «хвост» тебе повесить.

Слава легко идет мне навстречу, но вопрос в голосе звучит все явственнее – интонацией выделяется. Это и понятно. Он не слишком рвется снова в какую-то историю вляпаться. За Уралом уже Сибирь, останется там прятаться, за Сибирью – Дальний Восток. Потом будет уже некуда.

– Только предупреди ребят, что они могут столкнуться с другим «хвостом». Достаточно профессиональным. И это для них будет хорошей школой.

- Кто?
- Твои бывшие коллеги.

Глаза у Славы блеснули почти радостно.

– В провинции никогда не было хороших профессионалов. Я бы любого из них вычислил в два счета.

Он не хвастает. Я его уровень знаю. Директор и финансист он никудышный, а вот охранник и телохранитель высококлассный. Советской школы.

- Согласен. Но это – ты. А курсантам необходимо учиться на лучшем, что есть в наличии.
- Ты уверен, что это именно они? Может, менты?

В том, что меня «ведут», Слава не сомневается. Он тоже знает мой опыт и навыки.

– Ментов бы я уже в речке утопил. С ними церемониться нечего...

– А моих парней в неприятности не втянешь?

– В какие неприятности я могу их втянуть? Если бы вы вели слежку против моей воли, вам могли бы вменить вмешательство в частную жизнь. Но я согласился на твоё предложение помочь школе с практикой для курсантов. Все в порядке...

– И обещаешь, что они не станут свидетелями чего-то экстраординарного? О чем будут обязаны информировать начальство, то есть – меня, а я обязан буду принимать меры, то есть – стучать на тебя, если не «забуду». А если «забуду», кто-то может в иные инстанции на меня стукнуть. Понимаешь ситуацию, в которую может попасть школа? Так обещаешь?

– Обещаю.

– Тогда договорились. Телефон проверять надо?

– У меня определитель прослушивания. Если подключатся, придется поискать «жучок». Через станцию они сейчас редко работают. Там санкция нужна. Обычно ставят аппаратуру на ящик с «развязкой».

– Это я знаю. Проверим. Для ребят это хорошая практика. Пока они к тебе поехали, может, пивка?..

Пиво у них продают в буфете на четвертом этаже. Школа занимает весь третий этаж большого административного здания.

– Нет. Хочу дать организму разгрузку.

– Тогда чайку?

– Это можно.

Пока Слава убирал недосчитанные деньги в сейф, я занялся приготовлением чая. Но едва чайник закипел, как в дверь постучали. Вернулись курсанты. Втроем ездили. Удовлетворенно улыбаясь, выложили на стол пять небольших и симпатичных электронных приборов, чем-то напоминающих аккумуляторы для наручных электронных часов, с той только разницей, что у аккумуляторов не бывает тараканьих усов и креплений-липучек. Курсанты в самом деле приняли свою работу за учебную и были несказанно рады, что справились. Меньше, признаться, обрадовался я. Значит, опасения имеют под собой основания.

– Что и требовалось доказать... – сказал я тем не менее достаточно бодро, но понимая, что дело может для меня обернуться хреновенько.

– Молодцы, спасибо... – поблагодарил Слава курсантов. – Следующую вводную дам через двадцать минут. Будьте готовы. В том же составе.

– «Жучки» на другую аппаратуру перенастроить можно? – поинтересовался я.

– Можно. Есть у нас спец. Только не сами «жучки» перенастроить, а настроить на них свою аппаратуру. Спец толковый. Уже после тебя пришел.

– Тогда прими этих «насекомых» в качестве оплаты за работу. Мне они все равно ни к чему.

– Ты серьезно?

Слава достал из ящика стола большую лупу и принялся исследовать ближайший «жучок».

– Израильские. Долгоиграющие. По полторы штуки баксов. Это же семь с половиной тысяч.

– Бери-бери...

– Щедрый... – Слава несказанно рад. Так рад, что не имеет сил отказаться.

А я поморщился. И не стал пить чай. Почувствовал внезапно, что у меня вот-вот может начаться приступ. Слишком много сегодня психовал. Лучше быстрее добраться до дома. О чем и сообщил директору.

– Может, тебя отвезти?

– Нет, спасибо. Пока еще ничего... Терплю... Успею добраться.

3

Капитан Югов получил сообщение на сотовик в машине, когда пиво закончилось и офицеры уже выехали из тира. Долго матерился под понимающие ухмылки товарищей, довольных, что служба отвлекает от самых интересных дел на нынешний вечер не их. За что капитан высадил Угрюмова со Стрекаловым за целый квартал от полукруглого крыльца управления, а сам сразу отправился на служебную квартиру.

Необходимо было доложить.

Вообще-то, можно бы и просто позвонить, но, во-первых, с московскими чиновниками такие разговоры не ведутся по телефону городской линии, и не ведутся даже через сотовики – как ему самому сообщили, а во-вторых, он понимал, что его присутствия так и так сразу же потребуют. Ожидал, что генерал может устроить ему разнос. По дороге пришлось купить жевательную резинку, в надежде, что она хоть немного забьет запах пива, но на полный успех надеяться было нечего. Это Югов знал по опыту общения с собственной женой. Она любой запах чувствует сразу, даже если он только посмотрел на рюмку водки с желанием выпить завтра – так он рассказывал о ней сослуживцам.

Любой офицер понимает, что московскому начальству без необходимости лучше не появляться на глаза с запахом. Даже если учесть то обстоятельство, что из головного управления на имя начальника местного пришла шифровка от отдела внутренних расследований – просят полностью проконтролировать деятельность генерала и майора в городе. Строго негласно. Однако это дело не новое – сегодня они контролируют друг друга, а завтра вместе коньяком балуются. И обязательно находят какого-то «стрелочника», которому коньяк по штатному расписанию не полагается даже нюхать. Но в любом случае показывать это москвичам нельзя. Если произошло ЧП, грозящее срывом операции, в которую московские гости местных оперов подробно не посвящают, то лучше все же явиться пред генеральские светлые очи немедленно, чем откладывать дело в долгий ящик и дожидаться, пока тебя попытаются выискать и вызвать. Сейчас можно встретить раздраженное беспокойство, а позже появишься – могут и последствия грянуть. Последствий за их непредсказуемость никто не любит, в том числе и капитан Югов. Тем более что он даже не знает, насколько операция важна – не его это ума дело.

И он выехал на параллельную улицу, чтобы добраться быстрее – там движение меньше и нет светофоров. Но раньше времени Югов предпочитал не огорчаться. Кто знает, может быть, и с москвичами так же быстро расстанется. Тогда удастся к товарищам вовремя вернуться.

Вообще, эти москвичи раздражали капитана еще до их приезда. Он по слухам знал, что в подобных операциях успех обеспечивает повышение только тем, кто погонями посолиднее и должностью повыше, а провал всегда списывают на местных сотрудников. Те времена, когда могли человека за деловые качества в Москву перевести, минули безвозвратно. Сейчас на деловые качества внимания не обращают. Никто их оценить не сможет. Ни москвичи, ни местное руководство. И перспективы никакой, если нет высоких дружеских или родственных связей. А у капитана их нет...

На подъезде к дому Югов вдруг сообразил и набрал на сотовике номер заместителя начальника своего управления. Доложил ситуацию.

– По-моему, они мне не сильно доверяют. И попытаются все на нас свалить.

– Это пусть. Ты, Аркадий, попроще себя с ними веди. Под провинциального дурачка кати. Такое они понять могут. Они всех нас за дурачков держат.

– Я так и делаю. Сейчас еще пивка попою, чтобы запах шел. Изображу провинциальную непосредственность. Как думаете, товарищ полковник?

– Это тоже можно. Только не переусердствуй.

Таким образом, капитан обеспечил себе прикрытие с тыла. Теперь можно спокойнее ситуацию воспринять и не слишком беспокоиться, если генерал пожалуется на него напрямую руководству. Ход хитроумный, и капитан похвалил себя за удачно воплощенную мысль.

Югов заехал во двор, поставил машину на стоянке у крайнего подъезда – так он всегда делал в целях конспирации. Рядом стоял золотистого цвета «Форд Фокус», взгляд от непривычных футуристических форм его оторвать было трудно. Аркадий обошел новенькую машину со всех сторон, внутрь заглянул и языком поцокал от зависти.

Вот бы такую занять! А что, может, и даст бог...

Он прошел вдоль дома, привычно-цепко осмотрелся и поднялся на этаж. У него был свой ключ не только от подъезда, но и от квартиры, но показывать это тоже пока ни к чему. Потому позвонил. Увидел, как тень закрыла дверной «глазок».

– Это Аркадий пришел, – сказал голос майора Мороза, и неуверенно защелкал замок. Так всегда бывает, когда человек впервые с чужим замком общается – сразу механизм норов показывает и открываться не желает. Наконец, майор проявил талант – справился. Дверь распахнулась.

– Заходи...

У майора физиономия добродушная. Но Югов уже звонил в Москву и наводил справки через однокашников. На добродушие надеяться не стоит. Мороз – мужик в нужный момент очень даже жесткий. Кое-что кое-кому при случае «пообморозить» может – так, с каламбуром, предупредили...

– Новости какие-то? – сразу верно воспринял его приход Мороз и подтолкнул капитана легонько в спину. Значит, уже принимает по-хозяйски. Освоился на месте. Командует.

Аркадий вошел в комнату и, как на штык, напоролся на прямой и внимательный взгляд генерала. Этот даже не спрашивает.

– Что-то экстраординарное? – продолжил за генерала допрос майор, потянув большим носом-картошкой и почувствовав запах. Он сразу понял, что без срочных новостей, требующих принятия решения, капитан с запахом спиртного не посмел бы заявиться. Даже если бы коньяк в виде компенсации с собой принес.

– Нехорошие новости, – мрачно ответил Югов. – Все «жучки» в квартире первого объекта дезактивизированы. Очевидно, он нашел их.

Тишина длилась почти минуту.

– Кто «жучки» устанавливал? – наконец поинтересовался генерал. – Вы?

– Нет, что вы... Работали специалисты. И не наспех делали. Без специальной аппаратуры обнаружить их невозможно.

– Значит, у объекта есть аппаратура? – спросил Мороз. – Вы этого не знали?

– Мы вообще почти ничего про него не знали до вашего запроса. Мы права не имеем вводить в спецкартотеку бывших и настоящих сотрудников ГРУ. Они только по общим спискам проходят, как имеющие допуск по «форме один». Но в самой квартире приборов не было. Там проведен тщательный обыск. Я лично присутствовал и готов дать гарантию.

Генерал прогулялся вдоль окна. Туда-сюда.

– Визуальное наблюдение за квартирой велось?

– Ангелов слишком опытный человек, чтобы мозолить ему глаза. Он быстро бы вычислил слежку и насторожился. Нет. Мы боялись спугнуть его. Только в соседнем дворе, вне пределов постоянной видимости, стояла машина с прослушивающей аппаратурой.

Москвичи были так озабочены случившимся, что даже не поправили Югова, когда он назвал объект по фамилии. Капитан сразу отметил это. Вот и еще одно подтверждение для контрольной записи. Запись завтра же будет отправлена в Москву. Это хорошая плата хотя

бы за то, что ему даже сесть не предложили. Словно в линейной части служат. Армейские дуболомы...

– Что будем делать?

Ему никто не ответил. Только генерал снова загулял у окна, заложив руки за спину. Очевидно, так ему лучше думалось. Майор Мороз тоже прошелся по комнате – в противоположной стороне, вдоль дивана. И лишь после этого заметил, что докладывающий капитан все еще стоит.

– Ты садись, садись... – гостеприимным хозяйским жестом показал он на стул.

– Надо подключиться к его телефону, – сказал генерал. – Хоть что-то будем знать...

– Я уже докладывал, что у него аппарат с определением прослушивания. Кроме того, дома лежит сотовик. Мы проверяли. Оплачен. «Золотая» карточка. Но объект предпочитает им не пользоваться. Подключение к телефону ничего не даст. Сотовик без санкции прокурора нам прослушать не разрешат. А Ангелов просто все поймет и не будет из дома разговаривать по важным делам. Тогда мы рискуем вообще потерять всякую вероятность контроля.

– Есть возможность установить лазерные звукозаписыватели? – поинтересовался майор.

– У объекта на окнах стоят вакуумные стеклопакеты. Эти модные звукоизолирующие штучки нам океан крови портят. По многим «делам». А изнутри вместо штор в квартире металлические жалюзи. Мы часто сталкиваемся с такой проблемой, – покачал головой Югов. – Ничего не слышно. Сами стеклопакеты глушат звук на семьдесят – семьдесят пять процентов, в зависимости от добросовестности мастеров, которые их устанавливают. А закрытые металлические жалюзи слишком тяжелы для чтения и передачи речевых колебаний воздуха и вообще способны полностью звук заглушить.

– Это технические проблемы, – сказал генерал, по-прежнему не оборачиваясь. – Сегодня я, возможно, позвоню в Москву, вызову специалиста. Пусть обеспечивает. Меня другое интересует. Объект только что вернулся из длительной поездки. Какие он имел основания так тщательно обследовать свою квартиру на предмет поиска «жучков»? Вы там наследили?

– Это исключено, – ответил Югов. – Все трижды проверено. Даже входная дверь – никакой «контрольки» не нашли. Если бы Ангелов чего-то опасался раньше, он, со своим опытом, обязательно поставил бы «контрольку» на дверь. И в квартире все было сделано предельно аккуратно.

– И еще, Геннадий Рудольфович, учтите маленькую деталь, – заметил Мороз. – Объект не сразу произвел осмотр. Утром он разговаривал со вторым объектом по телефону. Не похоже, что тогда у него уже были подозрения. Когда дезактивизированы «жучки»?

– После посещения тира. Когда мы с ним познакомились. Но это знакомство состоялось совершенно непроизвольно. Мы не могли знать, что он там появится. И вообще не знали, что он в этот тир ходит. Директор тира представил его нам как отставного спецназовца. И познакомил. Спонтанность естественная.

– Тогда разгадку следует искать именно здесь... – сказал Легкоступов категорично. Он словно и не слышал объяснений капитана, и совсем не считался с его мнением, что выглядело даже оскорбительно для Югова. – Думайте, думайте...

Югов в ответ пожал плечами. Он был не против мыслительного процесса, но не верил, что путем простого размышления можно решить проблему. Капитан хорошо понимал, что Ангелов для этого слишком сложен как личность. И не понимал другого – что Ангелову достаточно было один раз мельком увидеть его в своем дворе, чтобы вспомнить при следующей встрече. Югов сам такого не смог бы, и потому просто не придавал значения эпизоду, когда дожидался в машине приезда объекта. Не вспомнил потому, что вел себя в тот момент правильно, как и учили его в свое время хорошие и грамотные специалисты. В нужный момент он не смотрел на грязный, прибывший издалека автобус, остановившийся перед въездом во двор. Югов свободно разговаривал со своим помощником, старшим прапорщиком из «прослушки»,

и посматривал время от времени в другой конец большого двора, словно дожидался кого-то с той стороны, из противостоящего дома. Объекту должно быть в такой обстановке непонятно, куда смотрит посторонний человек, потому что он не знает о зеркале, укрепленном на правой дверце, не знает, что старший прапорщик распахнул эту дверцу под строго определенным углом не для того, чтобы дым от его сигареты не оставался в салоне автомобиля. Этот угол распахивания дверцы они вымеряли специально. Не один раз пробовали и так и сяк, пока не установили хороший обзор под нужным углом – чтобы было видно единственный тротуар.

Не мог Югов об этом думать, потому что впервые вошел в противостояние со спецназовцем ГРУ и не знал еще, что за люди там служат и какую имеют подготовку. И даже недавний случай в тире, когда Ангелов наглядно продемонстрировал различие в квалификации офицеров двух конкурирующих ведомств, не насторожил Аркадия. Капитан отнес подобную стрельбу к личным талантам человека, но совсем не к частице подготовки.

В этом была его главная ошибка...

– Какие вы видите пути для возобновления контроля? – спросил генерал.

– Жду приказаний. – Капитан проявил скромность и не стал высовываться – не он проводит операцию. Он только входит в местную группу обеспечения.

– Тогда постарайтесь войти с объектом в близкий контакт. Подружитесь с ним...

– До прибытия спеца, – вставил слово и майор Мороз, – это единственная возможность не выпускать его из виду.

А Легкоступов поморщился и распахнул окно. Он явственно показывал, что местный капитан принес в комнату запах, который нос московского генерала переносит с трудом и только по необходимости – до определенного момента.

Это уже походило на молчаливое оскорбление. Югов только закусил нижнюю губу. Но сдерживать себя он умел. Иначе не дослужился бы даже до капитана.

– Вы свободны. Действуйте по обстановке, – так Легкоступов попрощался.

Югов вышел из квартиры и на лестничной площадке обернулся на дверь. Во взгляде его было больше ненависти, чем уважения к поганам без просветов. Он по натуре был человеком мстительным и знал, что отомстить сумеет. Уже завтра утром, когда будет отправлять в Москву донесение о деятельности командированных. Каждый факт в комментарии можно трактовать по-разному. Он сумеет сделать правильную трактовку. Можно сказать, что он обладает некоторым специфическим литературно-аналитическим даром. Уже приходилось заниматься подобными вещами.

Глава IV

1

Головная боль преследовала меня всю дорогу к дому, и усиливалась резь в глазах. Обычные симптомы, к которым привыкнуть невозможно. Последствия ранения в голову – БМП подорвалась на mine в момент, когда я сидел на броне. Возвращались с операции из глубокого тыла. Более того, из чужой страны. Прорывались до границы страны дружественной. Хорошо хоть, впереди не было войсковых заслонов, а что касается жандармерии и пограничников, то их мы опасались мало. БМП было жалко. Мы с трудом захватили эту технику, поставляемую по всему миру русскими оружейниками. И теперь, после взрыва, без техники предстояло идти пешком без остановки, чтобы успеть к условленному сроку. На другом берегу пограничной реки нас должны были встречать и, после визуального опознавания, выслать за нами вертолет – нарушить чужую государственную границу. Ребята меня вытащили. На своих плечах. Трое суток волокли, сами чуть не падая. Меня и Виталия Пулатова. Он умудрился в последние дни подцепить серозно-вирусный менингит. Говорили, смеясь, что это детская болезнь. Но Виталия свалила какая-то африканская разновидность, которая распространяется и на взрослых. И не просто свалила, а скрючила ему все суставы так, что он идти не мог, хотя и был в полном сознании. Потом нас самолетом отправили домой и долго лечили. Мне делали операцию дважды, но один осколок из-под основания черепа достать не смогли. Железяка уплыла к коре головного мозга и застряла там. После хирургии, как и положено, нас долго мучили психотерапевты. Восстанавливали кондиции и снимали психологическую нагрузку. Но не до конца. Ни к чему было это восстановление. В итоге меня и Виталия отправили на инвалидность. Его по другому диагнозу, но тоже на третью группу. Мне же рекомендовали больше не пытаться пробивать головой башню боевой машины пехоты. И не использовать свой затылок в качестве щита для БМП. Повезло, что осколки в меня летели каким-то немислимим рикошетом от окружающих дорогу скал. Иначе могло бы и голову оторвать. С тех пор приступы головной боли и рези в глазах время от времени повторяются. Особенно после того, как я понервничаю.

В такие моменты, а они наступают с периодичностью раз в месяц-полтора, предпочитаю отлеживаться на диване. Что пожелал сделать и сейчас. Но на подъезде к дому боль почти прекратилась. Словно организм почувствовал опасность – раскисать сейчас не время. Ситуация не та...

На всякий случай я оставил машину под окном. Вдруг Труповоз спохватится и позвонит. Тогда может возникнуть необходимость в срочной поездке. И совершенно ни к чему бегать на стоянку.

Первое же, что я сделал, вернувшись в квартиру, это проверил автоответчик. Нет, очевидно, сегодня день особый, и на этот день выпало слишком много похорон – работодатель в суе будней про меня забыл. Тоже, сволочь жирная, нервы треплет, как я собирался потрепать ему. Ну и дурак! Он дурак, естественно... Потому что его, возможно, пасут бывшие коллеги. Причины пасти меня я не вижу. Если бы что-то знали за мной, то уже давно бы повязали.

Но Труповоз может по незнанию меня подставить. Я понимаю его неприязненное отношение ко мне и вполне допускаю мысль, что он с удовольствием в какой-то момент подставит меня под пулю. А вот под допрос – нет, не решится, потому что ему самому не слишком нравятся прокуренная и пропитанная запахом нестиранных носков атмосфера камеры следственного изолятора. Но подставить он может и не специально.

А что, если в его кабинете тоже стоят «жучки»?

И мы, забыв про их сверхмузыкальные мембраны, так мило сегодня беседовали. И даже предполагаемого моего клиента называли. Очень любезно это было с нашей стороны. Всю информацию, как на блюдечке. Готовьте, господа «тихушники» и менты, наручники. Мы сами к вам придем и выложим недостающие остатки информации...

Я сомневался недолго и решил, что из двух зол следует выбирать меньшее. Мои игры с Труповозом, конечно же, представляют определенный коммерческий и психологический интерес. Но этот интерес не настолько велик, чтобы перебороть инстинкт собственной моей безопасности. Надо предупредить Труповоза. Чтобы лишнего не болтал ни при мне, ни без меня.

Стоп-стоп-стоп! Здесь есть и еще некоторые скользкие нюансы. У меня нет гарантии, что не сам Труповоз установил «жучки» в моей квартире. Кто знает, до какой степени он желает меня контролировать?

Цель?

Самое первое, что в голову приходит, – после акции, о которой мы договоримся, Труповоз желает со мной «попрощаться». А этот капитан Югов по какой-то старой дружбе или без нее – просто за зеленые хрустящие бумажки – помогает ему. Ему, а не своему управлению. А я разинул рот и размышлял о собственной значимости. Надо же – ФСБ меня «ведет»...

Вероятен интерес Труповоза?

Вполне...

Что тогда? Тогда получается – я предупреждаю Труповоза. Он начинает суетиться. Будет искать «жучки» и обязательно «найдет» их, чтобы подтвердить мою версию. И будет со мной советоваться, чтобы отвести от себя подозрения, выведать мои взгляды на случившееся и при удобном случае подsunуть какую-то съедобную версию. Глотайте, господин капитан, и постарайтесь подавиться!

Это один вариант. Есть и другой.

Он «жучки» не найдет – побоится...

Ведь тогда я посчитаю его угрозой для себя. И он решит, что я не пожелаю оставлять в живых свидетеля моей трудовой биографии. Труповоз ни за что не захочет стать моим клиентом. Он знает мою квалификацию и, как человек умный, предпочтет не рисковать своим объемным животом.

А как его проверить?

А проверить его просто.

Взять прибор и в присутствии Труповоза обследовать кабинет. Будет хоть один «жучок», значит, его «ведут», а я прилип «прицепом». Количество «жучков» не обязательно обозначает главную фигуру. Не хочется верить, что главная фигура – это я.

Стоп-стоп-стоп!

Вот и второй раз прокололся!

Ведь в этом случае он считает, что и я представляю для него слишком серьезную опасность. И хотя со мной справиться гораздо сложнее, нежели с ним, от выстрела из снайперской винтовки с чердака соседнего дома не застрахован никто. В такую погоду не будешь постоянно носить бронежилет. Да и бронежилет не будет панацеей. Квалифицированный стрелок в отличие от Вильгельма Телля ставит яблочко не на голову, а в голову. Прямо посреди лба. И стрелять нынешние квалифицированные снайперы предпочитают пулями с закаленным стальным сердечником – такую ни один бронежилет не выдерживает. Не думаю, что черепные кости могут составить кевлару конкуренцию.

Но я еще нужен Труповозу для «беседы» с Таманцем. Достаточно ли это серьезная причина для отсрочки? Ведь все равно, похоже, он попытается после этой «беседы» меня убрать.

Трудно сказать, какой вариант Труповоз выберет.

Нет, торопиться никак нельзя. Необходимо каждый шаг тщательно обдумать, прежде чем приступить к действиям. Хоть и разогнали в определенный период лучших сотрудников КГБ,

в ФСБ успели вырастить своих, которые работать постепенно учатся. И у меня нет гарантии, что Югов работает на Захватава. Может быть, в самом деле ФСБ рвется со мной пообщаться. Ко всему надо быть готовым.

Думай, голова, думай...

Телефонный звонок оторвал меня от размышлений. Я глянул на световое табло аппарата и снял трубку до включения автоответчика.

Что-то пожелал мне сообщить Миша Саночкин. Он звонит редко и, как правило, по делу. Хочется надеяться, что сегодня он выпил недостаточно много пива с офицерами ФСБ, чтобы возжелать продолжения, для чего надумал занять у меня денег. Если это не так, то готов поспорить, что капитан Югов интересовался моей персоной. И Мише не понравилась его дотошность.

– Слушаю, друг дорогой...

– Аллю!

– Да-да, Миша, слушаю тебя...

Очень уж у него простая армейская консервативная душа. Давно пора сообразить, что я настроил свой аппарат так, что определитель номера не подает дополнительный сигнал звонившему.

– Как ты узнал, что это я?

Так удивляться может только Саночкин. Он с самого детства наделен этой простой, но редкой способностью – удивляться любому пустяку и радоваться своему удивлению.

– Разведка донесла...

– Нет, серьезно?

– А если серьезно, то это мой профессиональный секрет. Ты что, забыл, где я служил?

А это уже моя профессиональная манера. Пусть человек думает обо мне больше, чем есть на самом деле. В какой-то момент это может сгодиться.

– Леха, что тобой так фээсбэшник интересуется?

– Югов?

– Ну, который капитан...

– Югов. Понравился, наверное...

– Он полчаса меня расспрашивал.

– О чем?

– О тебе. Как ты живешь, чем интересуешься, почему с женой развелся, по какой причине инвалидность получил. И вообще, все о твоём характере. Даже про детство спрашивал. И, как у них положено, просил оставить разговор в тайне. Я и решил никому не рассказывать. Кроме тебя...

– Думаю, капитана поразила моя способность стрелять по бутылкам.

– Это – да...

– Вот-вот, и тебя тоже, да и меня самого она поразила... Честно могу признаться.

– А что этому капитану надо?

– Это я у тебя хотел бы спросить. Но вообще-то, спасибо, что предупредил. Я не люблю, когда фээсбэшники в мои дела суются. Спасибо. На днях еще к тебе забегу. Надо восстанавливать квалификацию.

– Жду... – друг детства положил трубку.

А я снова убедился, что не ошибся в предположениях – Югов сильно моей личностью интересуется. Но теперь он уже не решится попадаться мне на глаза лишний раз. Даже случайно. Или?.. Или что-то другое следует из этого? Как бы я повел себя на его месте?

Я бы попытался воспользоваться моментом и превратить мимолетное знакомство в подобие дружбы. Если он правильно соображает, то постарается меня найти. И это в любом случае – на кого бы он ни работал...

2

Приступ уже заявил о себе серьезно. Вот – последствия встречи с фээсбэшником и обнаружения в своей квартире «жучков». Тихо попсиховал, и результат ударил по голове...

Телефонный аппарат я поставил поближе к руке, чтобы не вставать лишний раз. Принял лекарство и лег на диван. Стал терпеливо дожидаться самых неприятных минут и часов. Да, бывает, что и часов.

Лекарство свое действие показало стандартно. Напала апатия, и лень туманом связала все тело. Даже в голову этот туман проник – думать не хотелось. Насколько я умею себя ощущать, как всегда при подобной процедуре, сильно упало давление. Обычно это длится около двух часов, хотя бывает иногда, что и на целый день растягивается. Но два часа – это терпимо и привычно. Потом следует залезть под прохладный душ, и только тогда я снова стану относительно дееспособным, если раньше не усну.

Но я уснул. Вернее, не полностью уснул, а просто провалился в болезненную бездонную полудрему. С такой головной болью полноценно спать невозможно. Как и предполагал, разбудил меня телефонный звонок. Не вовремя. Боль уже сдавливала голову пульсирующим обручем, приподнимала верхнюю часть черепной коробки, и создавалось ощущение, что весь череп становится вытянутым вверх, как дыня. Лекарство только растягивает процесс, не устраняя полностью. И в таком состоянии приходится отвечать на звонки.

На табло определителя номера я глянул мельком. Высвечивались три двойки. Значит, кто-то добирается до меня с уличного телефона-автомата. Это не Труповоз. Тому трудно будет дойти до автомата, даже если он обнаружит у себя в кабинете целый склад прослушивающих устройств. Я его понимаю. Даже до ближайшего угла такой живот донести – это проблема.

- Слушаю, – сказал я, бодрясь и стараясь не показать свое хреновенькое состояние.
- В двадцать три часа, – знакомый хрипловатый голос, как всегда, краток.
- Понял, – ответил я, но мой ответ услышали только короткие гудки.

Свидание назначено совсем не вовремя. Но к тому времени я уже должен прийти в себя. Только что за срочность такая возникла в этом свидании?

Я откинулся на подушку и расслабился. В последний раз я разговаривал с куратором⁴ накануне отъезда. Никаких поручений он мне не давал. Следующий его звонок ожидался через пару недель. Но – нет, позвонил сейчас. И, мне кажется, не для того, чтобы расспросить про поездку.

Через десять минут опять зазвонил телефон. Теперь я уже не засыпал и сразу посмотрел на табло. Определитель номера опять не показал абонента. Загорелись три восьмерки. Это значит, что звонят по междугородной связи. Таких звонков я не жду, и потому с полминуты подумал, прежде чем взять трубку. Но все же решил ответить:

- Слушаю.
- Аллю, Леха, это ты?
- Я.
- Пулатов беспокоит...
- Привет, Виталька. Ты откуда?
- Из одного неопределенного места. Из дома звонить по некоторым причинам не стал.

Как у тебя дела?

⁴ Куратор – должность сотрудника ГРУ на местах, как правило, в крупных городах. Куратор контролирует жизнь и деятельность отошедших от дел агентов и вообще всех бывших сотрудников ведомства, имевших доступ к засекреченным документам или принимавших участие в секретных операциях.

– Почти нормально. Вчера из Чечни вернулся. С делегацией всяческих ветеранов ездил к нашим парням. А сегодня с приступом слег...

– А ничего необычного?..

– Что ты имеешь в виду?

– Тут вокруг меня суета непонятная началась. Вижу, что меня «ведут» несколько дней. Потом мне сообщили, что какие-то люди сильно интересовались историей моей болезни и особенно процессом лечения. Я тут постоянно с одним врачом-пенсионером консультируюсь. Чаще всего за бутылкой. Так и его расспрашивали на предмет моих откровений.

– Не совсем понял.

– Я тоже. Только у этого врача спрашивали и про тебя. Нас же вместе лечили. Не упоминал ли я тебя? Не рассказывал ли что-то о твоей болезни? Не о работе в ГРУ, а именно о болезни...

– Ну и что?

– Ничего особенного. Я просто подумал, раз «ведут» меня, расспрашивают обо мне и о тебе, то, возможно, и тебя задевают.

– Задевают... – нехотя согласился я. Головная боль и действие лекарства помешали проявить большую заинтересованность.

– Значит, есть?

– Есть. Только я сам не могу разобраться в ситуации. Но постараюсь. Причем не только меня обложили, но и мое окружение. Ты тоже свое проверь.

– Вот это я и хотел выяснить. Все. Вводная получена, и теперь знаю, от какой печки плясать следует. Извини, дольше разговаривать не могу. Я с чужого служебного телефона до тебя добрался. Потом позвоню. Или ты сам звони, посоветуемся. Мне кажется, дело заваривается серьезное. Большими силами идут... Я хочу к своим обратиться.

– Спасибо, что предупредил. Действуй по обстановке. Что будет, я сообщу.

Я положил трубку и закрыл глаза. И даже зажмурился. Под веками намертво встала непроходящая резь. От головной боли черепная коробка готова лопнуть по всем швам одновременно. Погано. Самый разгар приступа. И тут такая весть. Трудно думать. Лучше не ломать себе голову. Лучше уснуть.

Что я и попытался сделать повторно.

Однако это оказалось сложным. Сон – тоже лекарство от головной боли. Но головная боль не дает нормально спать. Замкнутый круг, из которого как-то следует вырваться.

И мысли. Они и не мысли сейчас. Они обрывки... Рваные куски чего-то, что не поддается классификации. И это тогда, когда необходимо все обдумать. Надо перебороть себя. Надо силой воли притупить боль. Когда-то я хорошо владел методом саморегуляции. Мог по команде «ключ»⁵ остановить кровотечение из раны. Но слишком давно не практиковался. Боюсь, сейчас не сумею...

Все сумею... Сумею притупить боль, сумею совсем прогнать ее... У меня сильная воля, и никто не сможет отнять ее.

Я расслабил тело и задышал глубже – и понял, что организм мой по-прежнему управляем. Я так старался, что не сразу почувствовал результат. Боль стала замирать. Хотя совсем не прошла. Но мысли уже не метались. Приступ подошел к концу.

Тогда я встал и принял душ. И сквозь шум водяных прохладных струй слышал, как в комнате звонил телефон. Но мокрым выходить в комнату не хотелось. Не то у меня состояние,

⁵ «Ключ» – метод саморегуляции. В последние годы широко известен как метод саморегуляции Хасая Алиева, но в той или иной интерпретации использовался в лечебной психиатрии и при подготовке разведчиков и сотрудников спецслужб задолго до того, как был запатентован Х. Алиевым.

чтобы спешить. И только завершив туалет и растеревшись жестким полотенцем так, что по всему телу забегала кровь, я включил автоответчик. Наконец-то...

– Ангел, как появишься, позвони мне...

Объявился Труповоз. Созрел, жадюга, до принятия решения. Каким оно будет, я знал заранее. И потому даже сейчас, даже в своем городе, буду предельно осторожным. Хотя вполне возможно, что это простая перестраховка. Труповоз, а вернее – его люди, наверняка начнут активно действовать только после выполнения мною «заказа».

Сейчас, получив информацию из Электростали от Пулатова, я могу мыслить уже более направленно. Если «ведут» меня, значит, мне следует Труповоза убирать. Михал Михалыч очень нежелательный свидетель. Он этого пока не знает. Лучше будет, если не узнает дольше.

Более того, я могу и ситуацию при удачном стечении обстоятельств обострить до предела. Труповоз, как обычно, выплатит мне только пятидесятипроцентный аванс. Остальные деньги он платить не пожелает. Не собирается он этого делать, в надежде что больше со мной не встретится. А я постараюсь заставить его заплатить все. И будем считать, что в достаточно крупную сумму, которую он обязуется мне выплатить, входят и деньги за обеспечение моей безопасности. Возможно, сюда же придется причислить и гонорар за жизнь самого отставного подполковника. Если он так настаивает... Ведь любая работа должна оплачиваться. А опасная для жизни исполнителя – по повышенной ставке.

Да, это нужно сделать. И одновременно побеспокоиться о другом. Я не знаю, где Захватов хранит свой экземпляр видеокассеты. А она мне очень нужна. Если с ним что-то случится, кассета может всплыть. Необходимо ее найти. Просто нельзя, чтобы кто-то другой увидел меня в ненужном для общества ракурсе.

Но теперь я могу не спешить. И даже получу удовольствие, потрепав Труповозу своим молчанием нервы. Пусть ждет моего звонка. Пусть до завтра дожидается. А мне еще предстоит его проверить. И я набрал номер Славы Трудогорова. Выложил свою просьбу:

– Вариант с проверкой «хвостов» отменяется. Я все уже сам выяснил. А на сегодняшний вечер мне сканер нужен. Завтра утром верну.

– Как скажешь... – Слава – человек без претензий, сговорчивый. – А то ребята уже готовы. Ждут команды. Сканер сейчас пришло.

– Жду...

3

«По мнению обозревателей американских газет, самое великое открытие уходящего тысячелетия совершили американские ученые. Они сумели записать генетический код человека, – вещал диктор. – Таким образом, станет возможным изменение генной структуры людей при лечении таких заболеваний, как рак или СПИД...»

Генерал Легкоступов смотрел телевизор. Как всегда, невозмутимо. И даже не обращал внимания на ерзанье по дивану большого крепкого зада майора Мороза. Очень громкое ерзанье – пружины в диване старые и скрипучие...

В программе «Время» показали президента США Клинтона. Обычное обращение к американскому народу с трибуны на крыльце Белого дома. Хорошо живет американский президент, если к народу традиционно с крыльца обращается. Раньше так же и цари на Руси поступали. Сейчас цари пошли не те – обмельчали, сейчас им видеокамеры в персональный рабочий кабинет ставят. Вещают оттуда...

Тема выступления президента не совсем обычная. Но генерал и не вслушивается в слова автора полутораминутного сюжета. Он сам об этом знает гораздо больше. Он знает эту тему прекрасно.

– Значит, америкашки решили все рассекретить! – досадливо ударил себя по колену майор Мороз.

– Они пока ничего и не сказали, – генерал спокоен и даже чуть презрителен. – А сообщение – только потому, что уже все в мире это знают. Из тех, кому положено знать. А к самим технологиям по-прежнему не подступиться. Но и это не самое главное. Всю шумиху американцы подняли для того, чтобы получить дополнительное финансирование. На самом деле их результат только-только перешагнул нулевую отметку. Они пока нашли полено. Чтобы сделать Буратино, нужен еще инструмент и папа Карло.

– Наши разработки?

– И наши тоже... Беда только в том, что полностью считывать код наши не умеют. Но расшифровывают отдельные участки. Сумели подобрать «ключ». А американцы не умеют расшифровывать – «ключ» не знают.

Генерал встал и прошел к окну. Занял любимую позу и долго смотрел на вечерний двор. Такое время ему нравилось больше дневного. В вечерней прохладе и думается легче.

– Ты, Дмитрий Федорович, завтра с самого утра в управление сходи. Мое появление будет заметно, а на тебя внимания не обратят. Проверь, что там за план оперативных мероприятий Югов разработает. Каким образом он соберется втереться объекту в доверие... Подкорректируй, потом мне доложишь.

– Есть, товарищ генерал...

– А пока завари чайку.

Мороз ушел на кухню, сообщив, что генерал не желает разговаривать на рабочие темы. А генерал в самом деле не хотел никого подпускать достаточно близко к своим мыслям. По сути дела, все сотрудники, работающие под его командой, занимались своим строго определенным участком. Лично им определенным. И он сам решал, кому и сколько следует знать. Лишнего не говорил. Легкоступов сам держал все нити операции в руках, отчитываясь только перед директором ФСБ, который план и утверждал. Другое дело, что многие методы, применяемые генералом, не мог бы одобрить и сам директор. По крайней мере, он не смог бы сказать, что дал свое «добро» на ту или иную акцию. Хотя после ее проведения может просто традиционно не все расслышать. Или задуматься и пропустить некоторые слова мимо ушей. Или понять правильно построенную фразу не так, как понял бы другой.

В начальный период операции отдел внутренних расследований дважды затребовал к себе документацию, касающуюся подготовительной стадии. Кто-то «капал» на не совсем корректные методы работы с Таманцем. Слава богу, пока не добрались до конечной цели – до привлечения в операцию Ангелова. Оба раза генерал предоставлял только те документы, которые считал возможным предоставить. Но не более.

Точно так же Геннадий Рудольфович не доверял своим сотрудникам. Даже майору Морозу, который заваривает сейчас на кухне чай. Майор только знает, что как-то их операция связана с работами по генетике и с попытками изменить генетическую карту человека. Но он не знает, что и эта тема – лишь составляющая большой и важной операции.

Глава V

1

К назначенному куратором часу я уже почти пришел в себя. Болезнь не то чтобы полностью отступила, но затаилась, спряталась в глубине организма, готовая через какое-то время снова прорваться наружу. Чтобы совсем сбросить расслабленность в своем теле и неприятную неуверенность, я уделил еще десять минут тренировочному мешку, опять представляя на его месте объемного Труповоза. Для выработки необходимой злости. Сам Труповоз еще дважды звонил мне, но я не брал трубку.

В двадцать два часа я поставил машину на стоянку. На ней добираться к месту randevу нельзя. Для негласных встреч и мероприятий она слишком заметна. Я специально покупал такую. Исходил при этом из парадоксальных соображений. Человек моей послеармейской профессии никогда не желает быть на виду у других. Он должен быть незаметен и привычен, как трава в газоне или как лужа на дороге. А я все делаю наоборот. Я даже по телевидению выступаю как консультант по военным действиям в «горячих точках». Кто может предположить, что специалист моего уровня настолько обнаглел? Но в этом уровень специалиста и заключается. Так я извращенно маскируюсь. Кому-то это может показаться слишком замысловатым. Но действует безотказно.

От стоянки я поехал на троллейбусе. Как и рассчитывал, прибыл на место за полчаса. Тщательно смотрел, нет ли «хвостов». Таковых не оказалось. И потому ровно в двадцать два сорок пять я поднялся на крыльцо гостиницы. Фокус простой. Если куратор сказал строго – двадцать три часа, это значит, что встреча должна произойти на пятнадцать минут раньше.

В ресторане ночная жизнь только начинается. Два «быка»-вышибалы окинули меня взглядом, оценивая по внешнему виду финансовые возможности. Причем оба одновременно задержали взгляд на левом плече. Проверяют. Если человек носит подмышечную кобуру, то плечо слегка стягивает, и при движении это заметно. Дураки. Я ношу кобуру поясную. Причем даже стандартная кобура, которую в магазинах продают, сделана так, что подвесить ее можно и с внутренней стороны – под поясной ремень. И никаким взглядом не обнаружишь, если только я оружие показать не пожелаю. А это бывает в тех случаях, когда я работаю. То есть, достав пистолет, я уже стреляю.

Сразу за дверью в зал меня встретил пожилой официант и проводил к свободному столику, выполнив обычную работу мэтра. Мэтр же куда-то удалился. Но официанты всегда с удовольствием его заменяют, чтобы затащить клиентов к себе.

– Столик на двоих, – сказал я. – Ко мне товарищ подойдет.

Официант кивнул молча, с профессиональным лакейским достоинством, и отошел к столику соседнему, забрал оттуда меню, чтобы предложить мне выбор. Я сделал заказ и демонстративно обернулся на дверь – если кого-то ждешь, то надо ждать натурально. И в это время увидел через три стола от себя сегодняшних знакомых. Майор Угрюмов вовсе не выглядит угрюмым. Наоборот, он что-то рассказывает капитанам Югову и Стрекалову и сам хохочет громче других. Добродушный здоровенный мужик. В компании такой должен быть хорош. Югов улыбается скучно, словно ему к пельменям подали неразбавленную уксусную эссенцию. Должно быть, он не в настроении. А Стрекалов вообще сидит с каменным огрубевшим красным лицом. Есть такая категория людей, которые по мере выпивания все больше мрачнеют. Он, похоже, из них. К тому же у Стрекалова или не все в порядке с артериальным давлением,

или он питает противоестественную страсть к аллергии – обычно люди так сильно не краснеют от выпитого, если пьют не в парном отделении бани.

Сволочи! Никуда от них не деться. Даже здесь достают. Опять по коже пробежал холодок. Что произошло?

Подвело меня устройство, определяющее прослушивание телефона? При нынешнем развитии техники сегодня уже нельзя быть полностью уверенным в том, в чем был уверен вчера. Они прослушали разговор с куратором и приготовились для встречи с отставным капитаном спецназа ГРУ? Да, но по телефону не называлось место встречи. Тогда они должны знать самого куратора и его социальный статус. И пришли пораньше, чтобы встреча не выглядела случайной. С этой же целью слегка выпили, хотя, возможно, чуть-чуть перестарались. Особенно капитан Стрекалов. Это в профессионализме провал очевидный.

В то же время мне сложно допустить, что в ФСБ работают такие дураки. Мыслить здраво – на уровне определенных рефлексов, насколько я знаю, можно научить даже обезьяну. Они просто обязаны предположить, что меня так часто повторяющиеся встречи должны настояжить. Или они тоже действуют по моему излюбленному принципу – я не должен думать, что они дураки, и потому не могу предположить, что встреча организована. Принцип Геббельса – ложь должна быть чудовищна, чтобы в нее поверили. Наврешь немного, это посчитают враньем. Наврешь такого, чего не бывает, этому поверят. Это вариант, но при таком варианте именно эти фээсбэшники должны быть умнее нивелированного уровня своей среды.

Пока я размышлял таким образом, официант успел обслужить меня. На столе появились тарелки с чем-то, выглядящим аппетитно. Графинчик с коньяком сам просится в руки. Непонятно только, почему графинчик запотевший. Коньяк из холодильника пьют только негры в самых дремучих джунглях. И то лишь потому, что им никто не объяснил – коньяк вне холодильника не прокисает. Даже эскимосы слегка подогревают его.

– Ваш товарищ скоро подойдет? – спросил официант. Лицо его выражает деловую приветливость и предупредительность.

– Должен скоро.

– Я к тому спрашиваю, чтобы сразу что-то заказать. Может, вы сами сделаете...

– Нет. У моего товарища вкусы не поддаются классификации. Ему можно не угодить...

Но рюмки на столе уже две. Официант только-только закончил протирать вторую.

– Я так понимаю, что вторая рюмка для меня? – Из-за моей спины раздался слегка ехидный, но достаточно пьяный голос капитана Югова. Вообще то я, когда сам трезвый, пьяных не люблю, но стараюсь терпеть. Пока они не становятся слишком назойливыми.

Официант коротко глянул на него, потом уже внимательно на меня – не этого ли товарища я жду? Такая уж у него работа – клиентов ловить.

– Это не он...

Я с улыбкой развел руками и повернул голову к Югову.

– Увы, капитан. Я жду товарища. Позвонил и назначил мне встречу. Но пока можете занять его место. Только временно. Договоримся сразу – товарищ подойдет, вы возвращаетесь за свой столик. У нас конфиденциальный разговор. – И я посмотрел на часы, давая понять, что заждался товарища, которому появиться уже давно пора.

– Бога ради... – Югов обошел столик, сел и улыбнулся почти приветливо, хотя взгляд у него совсем не радостный. – Как только, так я сразу, и с большой готовностью...

Я налил рюмку себе и ему. Официант от стола не отошел, дожидаясь, не поступит ли от капитана заказа.

– Я за другим столиком сижу, – сказал ему Югов, желая избавиться от посторонних. – Сюда поболтать подсел...

Официант ушел, всем видом показывая недовольство. Известное дело, официантам платят с заказов.

– А мы, как истые русские офицеры, – Югов кивнул в сторону своего стола, – исключительно водочкой с пивом балуемся.

– Вы балуетесь – как советские офицеры, – поправил я с улыбкой. – Русские офицеры когда-то баловались шампанским. Ну и коньяком тоже... Те еще русские офицеры, когда российская армия носила императорские регалии.

– Вы бы еще декабристов вспомнили...

Я протянул рюмку. Слабый звон чоканья заглушила музыка. Выпили. Югов сразу, как водку, я только пригубил. Демонстративно, чтобы показать аристократичность манер настоящих русских офицеров. Но капитан едва ли это понял.

– А почему же не вспомнить декабристов? Это один из самых славных периодов русской истории. Тогда вкусы были те же самые...

– Но вы же не русский?

– По отцу. Но в Болгарии тоже делают коньяк. Конечно, не французский, как в Польше, но, независимо от названия, неплохой на вкус...

– А пиво не любите?

Мое лицо, по замыслу, изобразило отвращение.

– У меня от пива приступы головной боли. И вообще, это не напиток спецназа. Слишком сильное мочегонное средство. В какой-то момент подобная привязанность может помешать. Поэтому стараюсь не привыкать.

– Но вы ведь давно не служите? Вы же совсем мирный человек! Как пиво может помешать вам?

Здорово! Он поймал меня! Даже пьяный, он не такой дурак, каким показался при первой встрече. Надо быть осторожнее в выражениях, чтобы не влипнуть в чем-то более существенном.

– Привычки военного времени впитались в кровь слишком прочно. Я уже и мыслить иначе не умею. – Я мягко улыбнулся и проводил взглядом длинноногую стервозу, прошествовавшую мимо.

– Это подружка одного из местных крутых парней, – предупредил меня Югов. – Мы его два месяца «вели», а подцепить не сумели.

– Чем этот парень занимается?

– Наркотой. Оптовик. Скупает большие партии и развешивает. У него целая сеть реализаторов работает по квартирам. Реализаторов брали – его никто не сдал.

– Подружка тоже имеет дурные привычки?

– Нет. Она пьет и пьяная скандалит.

– Вот такие мне и нравятся больше всего...

Это опять сказала моя привязанность к нестандартной маскировке. В самом деле, кто, занимаясь моим ремеслом, пожелает попадать в скандалы? Вывод – я не занимаюсь этим ремеслом. Соображай, капитан, независимо от выпитого. Иначе грош тебе цена как профи...

Хотя я, кажется, начал метать бисер перед свиньями. Капитан уже дошел до той кондиции, когда мои сложные методы ему абсолютно непонятны. И могут привести только к обратному эффекту.

Я опять посмотрел на часы, скорчил недовольную гримасу и неторопливо принялся за уничтожение съестного. Во-первых, потому, что почувствовал элементарный голод. Во-вторых, потому, что когда-то изучал психологию. И знаю, что любой человек, сидящий напротив жующего за тем же столом, будет испытывать дискомфорт. Даже пьяный должен понимать, что он мешает, и удалиться.

Югов понял. Но все же сделал слабую попытку продолжить знакомство:

– Может быть, пересядете за наш столик? Когда ваш товарищ появится, вернетесь...

– Я не официант, чтобы таскать туда-сюда тарелки, – ответил я почти грубо.

– Тогда мне остается пожелать вам приятного аппетита. И попрощаться.

Ему в самом деле ничего другого не оставалось. И я кивнул, потому что разговаривать с набитым ртом не люблю. Сам себя с трудом понимаю.

Еще рюмка коньяка. Без тоста и без чоканья. Маленькими глоточками, со смакованьем. Без ненужных разговоров. В гордом одиночестве. Так вкус напитка чувствуется лучше.

На часы я посмотрел еще трижды за непродолжительный период. Потом потанцевал с какой-то блондинкой, потом с ее подружкой брюнеткой. И постоянно ловил взгляды из-за столика, где сидели офицеры ФСБ. Потом две девицы уже сидели за моим столиком и хохотали так, что музыку было слышно плохо. А я рассказывал анекдоты.

Вскоре я попросил официанта рассчитать меня. Он кивнул и быстро принес счет. Я глянул в бумажку, сунул ее в карман и расплатился. Сдачу взять не забыл. Но на чай тоже дал. Чтобы не выглядеть перед девицами слишком жадным. Судя по тому, как они следили за этой процедурой, содержимое моих карманов интересовало и ту и другую.

Из ресторана мы вышли вместе. Подруги уверенно вели меня под руки, как на эшафот. Хотелось надеяться, что они хотя бы не «щипачки».

– Куда? – спросил я.

– У тебя хаты нет?

– Увы... Жена дома...

– Поехали ко мне, – предложила блондинка. – Правда, у меня только комната в коммуналке...

– А у меня сегодня мамаша дома. Скандалить будет... Пьяная...

У всех свои неудобства.

Я остановил такси. Дорога заняла десять минут. Девицы вышли, я остался в машине, якобы чтобы расплатиться с водителем, но захлопнул дверцу и скомандовал со смехом:

– Поехали...

Таксисты видели в своей жизни много странных ситуаций. И потому удивить их труднее, чем невозмутимую статую Будды. Этот тоже не удивился, только коротко глянул на меня со смешком. Подумалось тут же, что таксист – очень удобный вариант для связника. Надо будет этот вариант обдумать.

– Куда?

Я назвал свой адрес.

Он включил скорость и надавил на акселератор. Высадил меня на нужном перекрестке. Там под фонарем я прочитал обратную сторону второго листка ресторанного счета. Куратор подал его вместе с первым – счетом настоящим. Не терпелось мне узнать, что за срочность возникла во встрече, – в данном случае, читая так открыто, я не пренебрег осторожностью. Вдруг меня ждет сообщение, что появляться дома мне нельзя? Такое тоже возможно. Значит, надо прочитать срочно. В первый же момент, когда я один остался. Тем более что со стороны любой при виде меня подумает, что человек рассматривает бумажку с адресом. Ничего странного.

Куратор открытым текстом, только кодируя отдельные выражения, сообщил, что персона капитана-инвалида Ангелова сильно интересуется ФСБ. Причем занимается им не местная Контора, а головное управление. Из Москвы прибыли генерал-майор Легкоступов и майор Мороз. Специально по мою душу. Кроме того, куратор просил вспомнить, что может сильно занимать ФСБ в том периоде моей жизни, когда я лечился в госпитале после ранения в голову. Того ранения, которое и привело к инвалидности. От меня потребовали обо всех вынужденных и случайных контактах с ФСБ докладывать немедленно. И просили быть осторожным.

Я прочитал, скомкал бумажку и убрал в карман. Уничтожить ее следует незаметно – не посреди тротуара. А потом подумать, что доложить куратору. Да, с подобными докладами недолго и спиться. На встречу – если не хватает телефонного разговора и возникает какая-то надобность – я обычно прихожу к нему в ресторан. Этот куратор появился у нас около года

назад. Прежнего повысили в звании и перевели для продолжения службы в столицу. Прежний был врачом-психотерапевтом. Подполковником медицинской службы. И мне, инвалиду, постоянно страдающему от приступов головной боли, встречаться с ним было весьма удобно. С другими психотерапевтами, даже для лечения, скажем, от алкоголизма, я встречаться не имею права. Более того, мне запрещено даже стоять на учете в гражданской поликлинике. Моя медицинская карта хранится в реабилитационном центре ГРУ, расквартированном в нашей области под видом военного санатория. Возникает надобность во встрече, я звоню. На следующий день врач появляется.

Из всех медиков, с кем я имею право контактировать, можно назвать только врачей «Скорой помощи» и стоматологов. Но первые – только в случае, близком к смерти, а вторые – только в случае острой зубной боли. Плановое лечение проводить можно исключительно у специалистов реабилитационного центра.

Со стоматологами такая сложность возникла тогда, когда в печати появились сообщения о создании на Западе приборов прослушивания, устанавливаемых в зубы вместо пломб. Если появилось на Западе, быстро внедрится у нас. Кроме того, в последнее время стало модным проводить лечение зубов под общим наркозом или под гипнозом. Это вообще для меня не подходит. Нарушается принцип подконтрольности сознания. А мое чистое сознание родная служба оберегает тщательно.

Неудобства с медицинским обслуживанием я переживаю молча – предпочитаю вообще не обращаться к врачам. Даже когда два года назад сломал руку – сам себе лубок наложил и ходил неделю с повязкой. Ничего, срослось. Но и без курьезов дело не обходилось. Три года назад завел я себе подружку – врача-кардиолога. Хорошая была женщина. Сердечная. Некоторое время мы встречались по ночам, не горя желанием перебраться один к другому на постоянное местожительство. Откуда стало известно о нашей связи – не знаю. Но меня довольно впечатляюще «проработали» после этого. Так «проработали», что я вынужден был чуть не демонстративно в спешном порядке искать себе подружку новую.

Продолжая разыгрывать человека, ищущего какой-то дом – это на случай слежки, я через проходные дворы вышел к дому своему. Первое, что сделал, это сжег записку и смыл пепел в унитазе.

2

После сообщения куратора настроение мое, естественно, не улучшилось. Нехорошее сообщение. Значит, «ведут» не Труповоза, а ко мне прицепились. И не кто-нибудь из уголовных или полууголовных авторитетов, на которых Югов, как я предположил, работает. С этими я быстро бы разобрался. И Труповоз обеспечил бы им место в кладбищенском «общезитии». А ко мне клешни протянула сама пресловутая Контора, симпатии к которой у меня нет причин испытывать. Военная разведка всегда имела натянутые отношения с КГБ – ФСК – ФСБ и старалась не допускать ее в свою святая святых – тайные действия. Инерция мышления с тех пор у меня, как у сотрудника разведки, изменилась мало. Но не в этом главное. Неприятно мне находиться под контролем именно в такой ответственный момент. Когда и с Труповозом отношения придется, возможно, на самом лезвии выяснять, и «заказ» предстоит выполнить серьезный. Но от контроля уходить я умею. И постараюсь это продемонстрировать.

Но не сразу. Сначала необходимо провести анализ.

Что значит положение подконтрольного микроба в фээсбэшном микроскопе лично для меня? И как ситуация может повлиять на мои планы?

Начнем по порядку.

Первое – лечение. Мое лечение после ранения и лечение Виталия Пулатова. Его тоже «ведут» и тоже интересуются лечением. И мной интересуются. Значит, это звенья одной цепи.

И все дело в чем-то, с этим лечением связанном. Только вот в чем? Этого я навскидку определить не могу. Требуются дополнительные данные. Поэтому пока голову ломать не стоит. Подойдет время, все выплывет само.

Второе – Труповоз... Ему про ребят из ФСБ знать вовсе не обязательно. Иначе он начнет заметать следы. И моментально пошлет на меня «охотников». Это не так страшно, но тоже неприятно. Я случайностей не люблю, а они – пардон! – случаются. Хорошо, что я не сообщил раньше времени про «жучки» в своей квартире. Но если ФСБ проконтролировала наши с Труповозом отношения и при этом наверняка знает грязную репутацию моего работодателя, то его могут и должны взять под контроль. В офисе установят «жучок», и после этого можно строевым шагом в колонну по одному отправляться в СИЗО. Это мне, скажу откровенно, не нравится.

Вывод какой? Надо проверить офис Труповоза. Негласно. И его следует спасти, не ожидая ответной благодарности, и себя не подставить. Очень уж не хочется его спасать, но придется проводить мероприятие в целях сохранения собственной драгоценной и любимой шкуры. Это же, впрочем, я собирался сделать и раньше – надо еще видеокассету поискать. Потому и попросил Славу Трудогорова прислать мне сканер. Сканер привезли еще днем.

Значит, мне следует действовать так, как я и планировал до сообщения куратора. И потому я достал сканер и инструменты, которые приготовил заранее. Подумал и прицепил за пояс на спине кобуру пистолета. Привычка ходить на операцию вооруженным – никуда от этого не денешься.

И отправился в бюро ритуальных услуг. Пришлось долго ждать на остановке один из последних трамваев. Время позднее. Но мне подходит даже тот, который отправляется в депо. Расписание я примерно знаю и потому не стал беспокоиться. Так и произошло – сел в предпоследний.

Вышел на одну остановку раньше. На нужной мне находится мини-рынок, где постоянно дежурят менты. При моей чернявой внешности они вполне могут принять меня за чечена, дагестанца или еще какого-то кавказца и проверить документы. Документы у меня в порядке и даже разрешение на ношение оружия имеется, как у всякого лицензированного телохранителя. Более того, на пистолете есть дарственная надпись: «Капитану Ангелову от лица службы». И выгравирован номер приказа МО. Но вовсе ни к чему, чтобы менты могли вспомнить, что видели меня в этом районе именно в это время. Кто знает, как завтра поведет себя Труповоз?

Пешком я прошел через дворы. Не торопился, присматривался. Обошел стороной компанию подвыпившей веселой молодежи. Им тоже вовсе ни к чему меня встретить и узнать потом, если что-то произойдет не так, как я рассчитал. И поскольку план был продуман заранее, я подошел к нужному дому с другого торца. Там, насколько я помню, есть дверь в царство слесарей и бомжей – в подвал. Куда я и проник, без труда открыв отмычкой простейший замок. Дверь изнутри заложил обрезком трубы, подвернувшемся кстати. Чтобы никто не зашел ко мне со спины и не полюбопытствовал родом моей деятельности. Подвалы в подобных домах стандартные. Я изучал такие специально, когда выполнял один из «заказов». И потому добрался до бойлерной без проблем и блужданий по лабиринту. В бойлерной даже летом жарко. Горячая вода, как ни странно, в этом доме не отключена.

Теперь задача встала более сложная. Я знаю, что в бюро по ночам дежурит охранник. Но он сидит рядом с входной дверью. Там у него диван и телевизор. Телевизор из-за позднего времени уже может быть выключен. Поэтому охранник, если не спит, то вслушивается в тишину. А мне следует простучать стену, чтобы найти ту самую нишу, в которую Труповоз прячет холодильник. Там стена выложена, как мне показалось, в полкирпича. Проломить ее можно только в этом месте.

Я достал фонарик и осмотрел стену. Более свежая кладка заметна. Не совсем свежая, но отличная по цвету раствора. Закладывали некогда существующую дверь. Но на всякий случай,

чтобы лишнюю работу не выполнять, я дважды стукнул в кладку, потом дважды на два метра левее. Примерно против того места, где сидит сам Труповоз. Разница в звуке подтвердила мою правоту. Я снял пиджак, чтобы слишком не потеть и не пачкать его – предстоит ведь еще возвращаться через весь город, и стал ножом проковыривать отверстие под кирпичом. На один кирпич у меня ушло два часа. Но зато, вытащив его, я увидел, что цель близка. Теперь осталась несложная работа. Захватил второй кирпич, дернул раз, дернул два, после третьего рывка он вывалился вместе с тремя соседними. Еще десять минут, и готов лаз, в который легко можно пробраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.